

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 12

Содержаніе:

„Буржуи евреи, спасите!“ — ст.
В. Глуховца.

„Памяти Прис. Пов. П. Ф. Бу-
лацель“ — некрологъ.

„Мѣра наказанія“ — перев. раз-
сказъ Куртелинь.

„Сахемъ“ — рассказъ Г. С.

„Капитанъ Тюржонъ“ — перев.
юм. рассказъ О. Метенье.

„Похожденія моего кума Ники-
ты Иваныча“.— Изъ воспомина-
ній о быломъ С.-Петербуржскаго
купца Т. А. Рыбникова въ пере-
дачѣ В. Нѣмковскаго.

Стихи — Г. Шафровъ.

„Возвращеніе Тарзана“—романъ
Э. Бурроуза. Перев. Э. М.

„Подъ Красной Мантией“ —
романъ Стенли Уэймена.

Театръ и Кино.

Копилка курьезовъ.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. — Tel. 25-11.

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.
Приемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.
Объявленія: 1/1 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ —50% дороже.
При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.

№ 12.

Апрѣль 1925 г.

II годъ изданія.

Буржуи евреи, спасите!

Фронтъ займа теперь самый боевой фронтъ въ С. С. С. Р.

Объ этомъ пишутъ въ газетахъ, говорятъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, банкахъ, конторахъ, на улицахъ.

У большевицкаго правительства, захватившаго въ свои руки весь золотой запасъ государственнаго казначейства, кассы и сейфы всѣхъ банковъ, деньги, драгоценности и прочее имущество, до бѣлыя включительно, частныхъ лицъ, однимъ словомъ все достояніе одного изъ богатѣйшихъ государствъ, — нѣтъ денегъ, несмотря на то что оно не уплатило ни одной копѣйки государственныхъ долговъ.

Увы, чужое добро въ прокъ не идетъ!

Все порастрясли товарищи пролетаріи. Часть осталась въ карманахъ нынѣшнихъ властителей и ихъ „родственникововъ“. Часть пошла на устройство міровой революціи и на расходы по признанію этихъ воровъ и палачей правительствомъ Россіи.

Однако съ міровой революціей — не выгорѣло.

Кромѣ русскихъ простаковъ — не находится пока желающихъ отдать свои страны и самихъ себя на разграбленіе и потопъ.

Правда и среди другихъ народовъ имѣются цѣлыя группы и отдѣльныя, часто занимающія даже официальное положеніе лица, которые готовы работать во славу „интернационала“, но только . . . за деньги или, что наблю-

дается значительно рѣже, — въ чаяніи будущихъ благъ.

А денегъ то больше нѣтъ.

Ихъ не хватаетъ уже на самое необходимое: на содержаніе красной арміи, на помощь голодающимъ, на выплату жалованія рабочимъ и совѣтскимъ служащимъ.

Принудительно установленный и поддерживаемый искусственно внутри страны курсъ бумажнаго червонца, неимѣющаго хожденія внѣ С. С. С. Р., — трещить.

Нажившіеся нѣпманы всячески стараются избавиться отъ него, и снова идетъ погоня за припрятанными бриллиантами, золотыми вещами и иностранной валютой.

Цѣны на нихъ бѣшенно растутъ.

Промышленные круги, близкіе къ совѣтскимъ верхамъ, не вѣрятъ въ возможность изжить этотъ кризисъ домашними средствами.

Безъ помощи извнѣ — не обойтись.

Безъ займа — катастрофа.

Послѣ отказа Англіи, всѣ надежды обращены на Францію.

Конечно, совѣтская власть прибѣгнетъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ, употребитъ всѣ усилія, чтобы получить необходимые ей кредиты.

Командируемый съ этой цѣлью въ Парижъ тов. Преображенскій передъ отъѣздомъ заявилъ представителямъ печати, что ВЦИК для полученія займа не остановится даже передъ частичнымъ

удовлетвореніемъ мелкихъ держателей русскихъ довоенныхъ долговъ. Само собой разумѣется, что это будетъ сдѣлано за счетъ того-же займа и не потребуетъ расходовъ изъ собственнаго кошелька ни одного пени, а остатокъ пойдетъ на — неотложныя нужды, т. е. на поддержаніе, повидимому, колеблющейся власти 3-го интернаціонала и его дальнѣйшей пропаганды по устройству коммунистическаго переворота, въ первую очередь, въ самой Франціи.

Сказать положительно, что вообще надежды большевиковъ на Францію не имѣютъ подъ собой почвы, нельзя, т. к. тамъ въ настоящее время у нихъ имѣется свой человекъ, — Эрйо, обязанный Совѣтамъ премьерствомъ.

Являясь принципиальнымъ врагомъ Национальной Россіи, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы помочь Московскимъ захватчикамъ въ ихъ опасномъ положеніи.

Вѣдь не даромъ говорится, что „рука руку моетъ“.

И все же врядъ-ли большевикамъ удастся получить отъ Французскаго Правительства существенную помощь деньгами, т. к. Эрйо придется считаться съ французскимъ народомъ, а послѣдній менѣе всякаго другого склоненъ раскрывать свой кошелекъ, разъ отъ этого нѣтъ непосредственной выгоды.

Большевики и сами это хорошо сознаютъ, а потому они одновременно пытаются завязать за границей сношенія не только съ социалистическими и демократическими кругами, но и со столь ненавистными имъ капиталистами, — главнымъ образомъ евреями.

Для уловленія первыхъ — усиленно муссируются слухи о готовности Совѣтовъ привлечь къ управленію страной социалистовъ всѣхъ отгѣнковъ, приступить къ постепенному введенію въ Россію представительно-демократическаго строя и чуть ли не воскресить пресловутую „учредиловку“.

Въ цѣляхъ же воздѣйствія на богатыхъ западно-европейскихъ и американскихъ евреевъ, они стараются внушить послѣднимъ мысль, что лишь при наличіи нынѣшняго правительства евреи смогутъ сохранить въ Россіи ту роль, которую они тамъ играютъ, т. е. не только полное равноправіе, но и доми-

нирующее положеніе. Въ случаѣ же паденія этой власти, положеніе евреевъ въ Россіи станетъ хуже, чѣмъ было при Царскомъ Правительствѣ, и имъ грозятъ неисчислимыя бѣдствія.

„И вотъ, въ интересахъ всего еврейства, Вы, буржуи еврей, дайте намъ денегъ и спасите насъ!“

Въ благодарность за это мы наградимъ васъ всевозможными концессіями, передадимъ въ вашу эксплуатацію отобранныя нами фабрики, заводы, земли, лѣса и проч. богатства. Вы будете наблюдать „капиталы“, а мы — за нѣкоторый % охранять, какъ самые вѣрные сундуки и вашъ покой. Короче говоря, мы выполнимъ всѣ предначертанія „сионскихъ мудрецовъ“ и съ вашей помощью власть въ Россіи навсегда останется не русской, а еврейской“.

Отъ этой заманчивой перспективы, — возможности закабаленія ста миллионнаго населенія Россіи на вѣчныя времена подъ свою неограниченную власть, — у нѣкоторыхъ легковѣрныхъ круговъ еврейства, можно сказать, „въ зобу дыханіе сперло“ и они не замедлили откликнуться на большевицкіе посулы.

Такъ, въ Берлинѣ, представитель еврейской интеллигенціи профессоръ (?!) Кулишеръ, на сдѣланномъ имъ для евреевъ докладѣ на тему: „Чего должно держаться еврейство, въ виду выясняющейся возможности, въ связи съ крутымъ поворотомъ русскаго народа отъ революціи, возстановленія въ Россіи монархіи?“ — опредѣленно сталъ на сторону большевиковъ.

„Да, — сказалъ между прочимъ онъ, — еврейство ненавидѣло русскую монархію, потому что она ограничивала евреевъ въ правахъ.“

Да, еврейство всѣми средствами поддерживало революцію въ Россіи для сверженія царизма, для завоеванія политической власти „демократіей“, которая не посмѣла бы отказаться отъ основнаго условія поддержки его еврействомъ: отъ „полнаго еврейскаго равноправія въ Россіи“.

Да, еврейство и впредь не поминется не только съ монархіей, но и со всякой другой, даже „демократической“, властью, если только эта власть не гарантируетъ евреямъ сохраненіе того

положенія, которое евреи завоевали себѣ нынѣ въ Россіи.

Да, еврейство поэтому въ настоящее время должно и готово поддержать большевиковъ, т. к. они все-же наибольшѣ рѣшительно проводятъ „полное еврейское равноправіе“ и предоставляютъ еврейству „свободное развитіе и примѣненіе его способностей“.

Для этого у еврейства есть и будетъ безспорная реальная сила въ рукахъ: деньги и национальная, притомъ международная организованность“.

Послѣ столь откровеннаго заявленія, мы нисколько не удивимся, если обращеніе большевиковъ:

„Буржуи евреи, спасите!“

не останется безрезультатнымъ и они получатъ нѣкоторые кредиты на поддержку 3-го интернационала и дальнѣйшее порабощеніе русскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во вредъ русскому еврейству.

В. Глуховець.

Присяжн. Пов. Павелъ Феодоровичъ Булацель †.

Въ концѣ февраля мѣсяца 1919 года въ мрачномъ подвалѣ чрезвычайки, въ Петербургѣ, былъ звѣрски разстрѣлянъ, безъ суда, Присяжный Повѣренный Павелъ Феодоровичъ Булацель, практиковавшій одно время у насъ въ Ревелѣ.

П. Ф. Булацель происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Екатеринославской губерніи, родился въ 1867 году въ родовомъ имѣніи „Николаевка“ Славяно-Сербскаго уѣзда, въ которомъ отецъ его былъ Предводителемъ Дворянства.

По окончаніи, въ 1888 году, Императорскаго Училища Правовѣденія, П. Ф. поступилъ на государственную службу въ Правительствующій Сенатъ кандидатомъ на судебныя должности, а затѣмъ, при введеніи Судебныхъ Учрежденій въ Прибалтійскомъ Краѣ, перевелся въ Ревельскій Окружный Судъ.

Несмотря на то, что онъ могъ сдѣлать блестящую карьеру по любому вѣдомству, П. Ф. черезъ годъ перешелъ въ ряды мѣстной адвокатуры, т. к. государственная служба, очевидно, его не удовлетворяла.

Въ 1901 году П. Ф. переселился въ Петербургъ, гдѣ выступалъ, главнымъ образомъ, по гражданскимъ дѣламъ.

Попутно онъ удѣлялъ много времени и литературѣ, сотрудничая въ „Юридической газетѣ“, въ „Свѣтѣ“ и нѣкоторыхъ другихъ газетахъ праваго направленія.

Въ 1900 году имъ была выпущена въ свѣтъ книга: „Самоубійство съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“, въ 1908 году — „Сборникъ судебныхъ рѣчей“, въ 1912 г. — „Борьба за правду“.

Съ 1915 года до начала революціи П. Ф. издавалъ еженедѣльный политическій и ли-

тературный журналъ „Россійскій Гражданинъ“, въ которомъ онъ горячо отзывался на всѣ событія текущей жизни и міровой войны.

Въ то время, на почвѣ усталости отъ войны и ряда неудачъ на фронтѣ, въ части русскаго общества началось уже недовольство и революціонные элементы подняли свои головы.

Появились грязныя инсинуаціи на Царствовавшей Домъ, руководителей арміи и правительство.

Будучи того мнѣнія, что при низкомъ культурномъ уровнѣ Русскаго народа и малочисленности нашей интеллигенціи, единственно цѣлесообразной для Россіи является власть монархическая и что отклоненіе отъ этого принципа (въ особенности во время войны) грозило бы родинѣ неисчислимыми бѣдствіями, П. Ф., въ цѣломъ рядѣ горячихъ и поистинѣ блестящихъ статей, призывалъ Русское общество къ спокойствію и выдержкѣ, справедливо указывая на необходимость во что-бы то ни стало побѣдно закончить не бывало трудную войну, въ счастливомъ исходѣ которой для насъ онъ не сомнѣвался. Пройгнись ея онъ допускалъ и считалъ неминуемымъ лишь въ одномъ случаѣ, — именно: при измѣненіи существовавшаго государственнаго строя, т. е. при наличіи революціи.

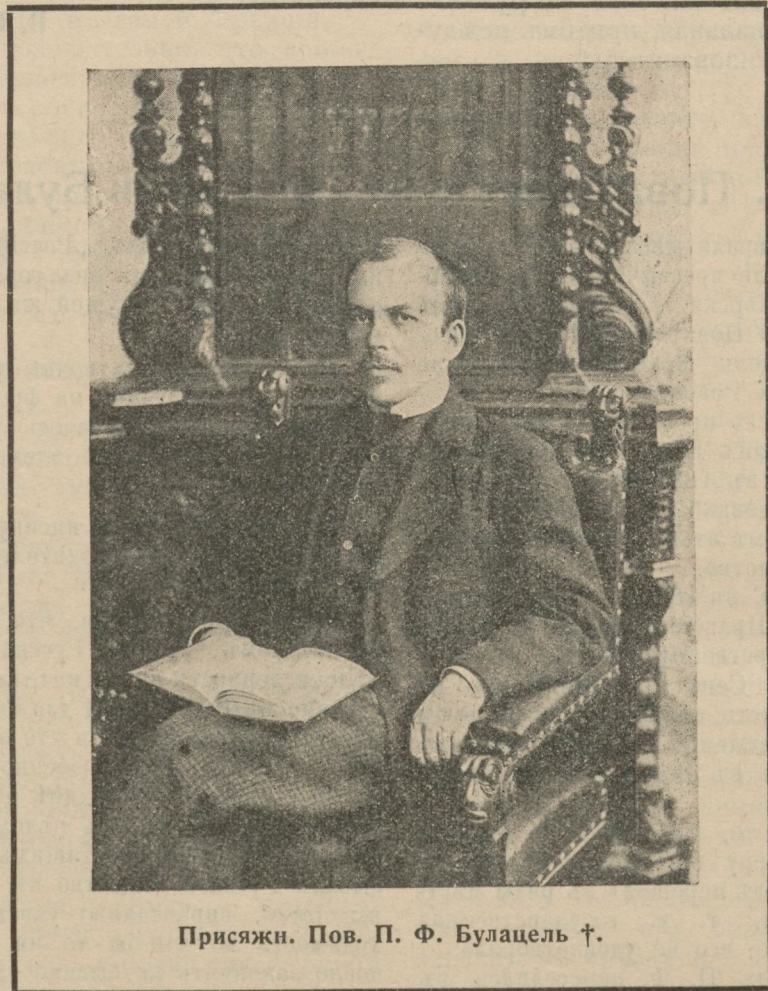
Прекрасно воспитанный, всегда корректный и выдержанный въ личныхъ отношеніяхъ, добрѣйшей души человекъ, П. Ф. горячо и безпощадно бичевалъ тѣхъ, чьи дѣйствія или мѣропріятія клонились ко вреду Государства, независимо отъ того были-ли это высшіе сановники, рядовые

обыватели или общественные дѣятели, правые или лѣвые безразлично.

Онъ не убоился бросить упрекъ нашимъ союзникамъ (въ то время для насъ еще „благороднымъ“, „вѣрнымъ“) въ томъ, что они, прочно окопавшись, всю тяжесть войны возложили на насъ русскихъ и при малѣйшемъ нажимѣ на нихъ требуютъ отъ насъ помощи, а наше высшее командованіе только и дѣлаетъ, что спасаетъ ихъ cadaго по

дованіи нашихъ силъ, чтобы къ моменту, по его мнѣнію уже недалекому, заключенія мира не оказаться черезъ-чуръ ослабленными и не лишиться тѣмъ нашихъ дипломатовъ необходимой твердости при отстаиваніи русскихъ интересовъ.

Многіе, вѣроятно, еще помнятъ какой шумъ произвела эта правдивая статья, подъ которой теперь подписался бы каждый изъ насъ русскихъ.

Присяжн. Пов. П. Ф. Буацель †.

очереди, неся большія потери и нарушая свои стратегическіе планы. Когда же намъ приходится тяжело, то они остаются пассивными, чуть ли не въ роли простыхъ зрителей. Какъ будто-бы война не является общимъ дѣломъ всѣхъ участниковъ тройственнаго согласія, а, наоборотъ, они — союзники — заинтересованы въ наибольшемъ нашемъ истощеніи. Въ виду этого, П. Ф. настаивалъ на необходимости большей согласованности въ дѣйствіяхъ союзниковъ, и на болѣе экономномъ расхо-

Чуть-ли не вся печать обрушилась на П. Ф., упрекая его въ германфильствѣ и требуя, совмѣстно съ посланниками союзниковъ, суроваго для него наказанія.

Сейчасъ безъ краски стыда на лицѣ невозможно читать, какую чушь и ересь несли въ то время наши газеты. Особенно въ этомъ усердствовали, прикрывшись русскими псевдонимами, представители лѣвой печати, изъ тѣхъ, кои теперь въ С. С. С. Р. помыкаютъ русскимъ народомъ и коихъ П. Ф. въ свое время нерѣдко выводилъ на чистую

воду, т. к. стремленія и цѣли ихъ ему были вполне ясны. Въ своихъ анонимныхъ пасквиляхъ они называли его не иначе, какъ „von der Bulazel“. Здѣсь кстати будетъ сказать, что П. Ф. вовсе не немѣцкаго происхожденія, ибо предокъ его Варлаамъ Булапель, православный, переселился въ Россію еще при Петрѣ I, вскорѣ послѣ Прусскаго похода. Онъ происходилъ изъ знатнаго молдованскаго рода и былъ принятъ на русскую военную службу въ чинѣ полковника.

Въ первые дни революціи П. Ф. былъ арестованъ Временнымъ Правительствомъ и вскорѣ освобожденъ, съ приказомъ выѣхать изъ Петербурга въ провинцію.

29 сентября 1918 года онъ былъ снова арестованъ большевиками, изъ рукъ которыхъ ему уже не суждено было выйти живымъ.

Миръ праху, въ неизвѣстной могилѣ этого великаго патріота, горячо любившаго свою родину и видѣвшаго то, что было скрыто для большинства его современниковъ.

Мѣра наказанія.

Аббатъ Бурри два раза повернулъ огромный ключъ въ замочной скважинѣ старой церкви. Сдѣлавъ это, онъ однако не дивнулся дальше, а съ внезапно потемнѣвшимъ лицомъ и съ выраженіемъ удивленія и ожиданія остановился на мѣстѣ. Правая рука его все еще покоилась на замкѣ. Откинувшаяся пола сутаны открыла худую лодыжку и пряжку сапога, нѣсколько отставленнаго отъ сосѣдняго сапога.

— Послушайте... господинъ кюрэ... Могу-ли я исповѣдаться?..

Съ поднятыми къ небу руками, Клодина — мѣстная крестьянка — примчалась къ нему, точно вихрь изъ-за угла. Она бѣжала такъ быстро, что отъ напряженія на ея вискахъ часто бились синія жилки, а вдоль лица текла темноватая струйка пота.

Старый священникъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ:

— Господь съ вами! — воскликнулъ онъ, — но развѣ-же теперь время исповѣдаться? Вѣдь поздно!

— Я никакъ не могла раньше... — отвѣтила женщина.

Онъ произнесъ, торопясь:

— Мнѣ теперь некогда. Придете въ другой разъ...

Но на него тотчасъ-же подѣйствовало отчаянный взглядъ Клодины.

— Всегда одно и то же... Одна и та же комедія... На первомъ мѣстѣ коровы и свиньи, а потомъ, если еще останется время, — Богъ! Идите, идите, милая, придете на будущей недѣлѣ... Я сегодня обѣдаю въ замкѣ, меня ждутъ къ шести часамъ вечера, и мнѣ некогда съ вами разговаривать. Будьте здоровы!

Клодина разразилась притворными рыданіями,

— Ахъ, Господи... Ахъ, Господи, Боже мой... А я такъ хотѣла приготовиться къ Пасхѣ...

— Къ Пасхѣ?!

Тутъ онъ замолчалъ, раздираемый двумя чувствами: чувствомъ долга и желаніемъ прибыть во время на званый обѣдъ. Неизмѣнно каждый годъ, на Страстную Недѣлю, его приглашали въ замокъ, и неловно было заставлять себя ждать...

Взяло верхъ чувство долга.

Поджавъ губы и ворча про себя, аббатъ Бурри снова вставилъ въ замочную скважину ключъ и повернулъ его два раза, — но уже въ противоположную сторону. Другъ за другомъ, крестьянка и священникъ переступили порогъ церкви. Аббатъ подошелъ къ жалкому на видъ главному алтарю, и сѣлъ на соломенный стулъ, захваченный по дорогѣ. Послѣ этого онъ сказалъ:

— Станьте на колѣни!

Клодина немедленно повиновалась.

— Перекреститесь! А теперь прочтите „Confiteor“.

Крестьянка понесла, точно взбѣсившаяся лошадь. Въ своемъ усердіи она напоминала ученика, который, зная, что его сегодня спросятъ, выучилъ свой урокъ на зубокъ. Она долго не оставалась, — до тѣхъ самыхъ поръ, пока ее не остановилъ аббатъ.

— Хорошо... Теперь расскажите мнѣ про ваши прегрѣшенія. Грѣшили?

Клодина хранила глубокое молчаніе.

— Милая моя, торопитесь, прошу васъ...

Священникъ выразалъ явные признаки нетерпѣнія.

— Поймите, что вы задерживаете меня... Послушайте: вы, конечно, никого не убили, никого не обворовали? Значитъ, въ чемъ вы грѣшны? Вы лгали, предавались чревоугодію? Вы не были усердны въ молитвахъ, пропускали церковныя службы? Ну, хорошо, хорошо... Идите съ миромъ и не грѣшите больше. Я отпускаю вамъ грѣхи ваши... Отпускаю во имя Отца, Сына и Св. Духа!

вовало на обоихъ, что испарилось все таинство покаянія.

— И вы... И вы... Васъ еще только недоставало! До сихъ поръ въ нашей деревнѣ были только двѣ честныхъ женщины: Жанна, жена Марешаля, и вы... А теперь и вы удостоились! Ну, да проститъ васъ Господь! Идите съ миромъ!

Онъ говорилъ съ трудомъ, но все-же спросилъ:

— А когда случилось съ вами это несчастіе?

Латышскіе гости на Балтійскомъ вокзалѣ, въ Ревелѣ.

1. Латышскій президентъ Чакстэ. 2. Госуд. глава Эстоніи Яксонъ. 3. Латыш. мин. иностр. дѣлъ Мейеровичъ. 4. Военный мин. г.-м. Сотсъ. 5. Генераль Лайдоперъ. 6. Мин. внутр.-д. Эйбундъ. 7. Мин. иностр.-д. Пуста.

Съ этими словами онъ поднялся со стула. Но кающаяся, все еще стоя на колѣняхъ, пробормотала:

— Отецъ мой, я сдѣлала гораздо больше этого... хуже этого...

— Да? Говорите-же... Я васъ слушаю.

— Да... отецъ мой... да... — бормотала Клодина, съ опущенной головой. — Я... Я... измѣнила своему мужу...

— Фууу!... — произнесъ священникъ: — Чортъ возьми, милая, что такое вы вздумали мнѣ рассказывать!

Отъ неожиданности у него, въ буквальномъ смыслѣ слова, опустились руки. Заявленіе крестьянки до того подѣйст-

— Мѣсяць назадъ, отецъ мой... Клянусь Богомъ, что говорю чистую правду. Въ серединѣ марта приключилась вся эта исторія.

— А съ кѣмъ вы согрѣшили?

Она назвала соучастника по преступленію.

— Ахъ, шалопай! — произнесъ аббатъ. Затѣмъ добавилъ:

— А позвольте освѣдомиться, сколько разъ вы согрѣшили въ теченіе этого мѣсяца?

— Отецъ мой... всего одиннадцать разъ... 11

— Одиннадцать разъ!!

Цифра показалась ему неимовѣрной. Онъ поднялъ было вверхъ руки, чтобы проклясть великую грѣшницу, но въ это время часы пробили три четверти шестого. Звуки медлительно протянулись вдоль всей церкви.

Опомнившись и почувствовавъ необходимость спѣшить, онъ залепеталъ:

— Но вы, по крайней мѣрѣ, раскаиваетесь?

Она въ свою очередь пролепетала:

— Да, отецъ мой, я раскаиваюсь. . . Я очень раскаиваюсь въ томъ, что связалась съ такимъ мерзавцемъ. . . Если-бы вы только знали. . .

— Хорошо, хорошо. . . — прервалъ ее аббатъ, притворившись глухимъ. — Идите домой и произнесите подрядъ четыре „Pater“ и четыре „Ave“, а завтра опять приходите на исповѣдь. Ну, а теперь отправляйтесь, — я очень тороплюсь.

Онъ поднялъ свою шляпу, которая лежала на землѣ, у ножки стула. Кающаяся встала съ колѣнъ и удалилась. Аббатъ облегченно вздохнулъ, но въ тотъ моментъ, какъ онъ хотѣлъ направиться къ выходу, въ рамѣ свѣта, образовавшейся открытой дверью, показался новый силуэтъ.

На этотъ разъ явилась Жанна, — Жанна, жена счастливаго доселѣ Марешаля. Это была свѣтловолосая, веселая и до того жирная женщина, что ея груди всегда колыхались, точно двѣ пышныя грозди спѣлаго винограда.

Аббатъ запротестовалъ:

— Нѣтъ. . . нѣтъ. Я отказываюсь. На сегодня хватитъ съ меня! Довольно. . .

Но Жанна приближалась съ самымъ невозмутимымъ видомъ. И она желала исповѣдаться! И она хотѣла „очиститься“ къ Пасхѣ! Это было ея право, и она съ удивленнымъ видомъ воскликнула: — Развѣ настали уже такія времена, когда священники препятствуютъ своимъ прихожанамъ освободиться отъ грѣховъ и удостоиться таинства исповѣди?

Убѣжденный ея тономъ и разсерженный до послѣдней степени, несчастный человѣкъ тяжелымъ камнемъ упалъ на стулъ. Онъ схватилъ Жанну за руку и силой поставилъ ее на колѣни.

Собравъ послѣднія силы, онъ сказалъ:

— Ну, что, что? Что вы хотите мнѣ сказать? Въ чемъ хотите признаться? Можетъ быть, и вы измѣнили своему мужу?

Жанна такъ и осталась съ открытымъ ртомъ. Не сказавъ ни слова, она три раза подрядъ кивнула головой.

Аббатъ подскочилъ:

— Ну, какъ это понравится! Положительно, точно всѣ сговорились! Какая богопротивная страна! Что за мерзостная страна!

Онъ добавилъ:

— А съ какого времени вы измѣняете своему несчастному мужу?

— Уже въ продолженіи мѣсяца. . .

— Я такъ и зналъ! Всему виной — эта весна! Противная весна! Каждый годъ одна и та же исторія! А сколько разъ, позвольте у васъ узнать, вы согрѣшили въ теченіе этого мѣсяца?

— Семь разъ, отецъ мой. . .

Старый аббатъ, казалось, былъ доволенъ этой цифрой. Онъ сказалъ:

— Вы говорите: семь разъ? Вы увѣрены въ томъ, что именно семь разъ? А, можетъ быть, больше?

Поднявъ глаза къ небу, онъ подсчитывалъ и старался найти пропорціональное соотношеніе между мѣрами наказанія Клодины и Жанны.

— Послушайте. . . 11 относится къ 7, какъ четыре относится къ х. . . Половина отъ 11. . . половина отъ 11. . . Ахъ, Господи, что за глупыя цифры подобрались! Половина отъ 11. . . пять съ половиной. А половина отъ 7. . .

Въ эту самую минуту часы пробили шесть.

Старикъ вскочилъ со стула, точно его кто-то подхлеснулъ кнутомъ.

— Послушайте, милая моя, если вы полагаете, что у меня есть время для того, чтобы заниматься какими-то глупыми алебраическими подсчетами, то вы жестоко ошибаетесь! Да, очень жестоко! Уходите, уходите домой, прочтите тамъ подрядъ четыре „Pater“ и четыре „Ave“, а затѣмъ еще четыре раза обманете своего несчастнаго мужа. Вотъ и будете квиты. А мнѣ некогда тутъ съ вами ариометикой заниматься. Пожалуйте. . .

Сахемъ.

Въ городѣ Антилонѣ, лежащемъ на рѣкѣ того же имени въ штатѣ Техасѣ, было большое движеніе: всѣ спѣшили на представленіе въ циркъ. Интересъ жителей былъ возбужденъ тѣмъ, что со времени основанія города въ него въ первый разъ пріѣхалъ циркъ съ танцовщицами, клоунами и канатными плясунами. Городъ возникъ недавно. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ тамъ не было не только ни одного дома, но во всемъ округѣ не было ни одного бѣлаго. Въмѣсто того при устьѣ рѣки на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Антилона, видѣлось индѣйское поселеніе Къяватта. Это была столица Черныхъ Змѣй, которыя въ былыя времена такъ тѣснили нѣмецкіе поселки Берлинъ, Грюнденау и Гармонию, что тѣмъ пришлось совсѣмъ плохо.

Правда, индѣйцы защищали только свою территорію, которую правительство штата Техаса признало за ними на вѣчныя времена и скрѣпило самыми торжественными трактатами; но какое было до этого дѣло колонистамъ изъ Берлина, Грюнденау и Гармоніи? Я увѣренъ, что они отнимали у Черныхъ Змѣй землю, воду и воздухъ, но за нее они вносили цивилизацію. Краснокожіе благодарили ихъ за это по свойски, т. е. снимали съ нихъ скальпы. Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться. Въ одну лунную ночь поселенцы Берлина, Грюнденау и Гармоніи собрались въ числѣ четырехсотъ и, призвавши на помощь мексиканцевъ изъ Ла-Ора, напали на спящую Къяватту. Правое дѣло восторжествовало. Къяватта была сожжена, а жители ея перерѣзаны безъ различія пола и возраста. Уцѣлѣлъ только небольшой отрядъ воиновъ, ушедшій въ то время на охоту. Изъ города не спасся никто главнымъ образомъ потому, что онъ лежалъ въ дельтѣ рѣки, которая была въ то время въ разливѣ и окружала поселокъ непроходимой равниной водъ. То самое положеніе, которое погубило индѣйцевъ, понравилось нѣмцамъ: изъ дельты трудно бѣжать, но за то въ ней удобно обороняться. Благодаря этой мысли, изъ Берлина, Грюнденау и Гармоніи сейчасъ же началась эмиграція въ дельту, гдѣ въ одно мгновеніе ока на мѣстѣ дикой

Къяватты возникла цивилизованная Антилона. Черезъ пять лѣтъ въ ней насчитывалось уже двѣ тысячи жителей.

На шестой годъ нашли по ту сторону дельты ртутную жилу, эксплуатація которой удвоила число жителей. На седьмой годъ по закону Линча повѣсили на городской площади девятнадцать послѣднихъ воиновъ изъ племени Черныхъ Змѣй, схваченныхъ въ сосѣднемъ лѣсу Мертвыхъ, и съ тѣхъ поръ ничто уже не мѣшало развитію Антилонѣ. Въ городѣ издавались двѣ ежедневныя газеты и одна воскресная. Желѣзная дорога соединяла его съ Ріо дель-Норте и Сантъ-Антоніо; на улицѣ были три школы, изъ которыхъ одна была высшая. На площади, гдѣ повѣсили послѣднихъ изъ племени Черныхъ Змѣй, построили благотворительное заведеніе, всякое воскресеніе пасторы проповѣдывали въ церквахъ о любви къ ближнему и другихъ добродѣтеляхъ, присущихъ цивилизованному обществу. Какой-то профессоръ прочелъ даже разъ лекцію „о правахъ народовъ“.

Богатые жители поговаривали о постройкѣ университета, въ этомъ должно было помочь имъ правительство штата. Жители благоденствовали. Торговля ртутью, апельсинами, ячменемъ и виномъ приносила имъ большіе доходы. Они были вѣжливы, трудолюбивы, шеголеваты, систематичны и толсты. Тотъ, кто посѣтилъ бы теперь Антилону, насчитывающую уже нѣсколько тысячъ жителей, вѣрно не узналъ бы въ богатыхъ негоціантахъ тѣхъ безчеловѣчныхъ воиновъ, которые когда-то уничтожили Къяватту. День проводили они въ лавкахъ, мастерскихъ и конторахъ, а вечеръ въ пивной „Подъ золотымъ солнцемъ“ въ улицѣ Гремучихъ Змѣй. Слушая ихъ медлительные голоса, горловые возгласы „Mahlzeit! Mahlzeit“ и флегматическія рѣчи въ родѣ „nun ja wissen sie Herr Müller, ist das aber möglic“ при звонѣ кружекъ и плескѣ пѣны, проливаемой на полъ, глядя на эти филистерскія жирныя лица и рыбы глаза можно подумать, что сидишь гдѣ-нибудь въ пивной въ Берлинѣ, а не на пепелищѣ Къяватты.

Но въ городѣ все было „ganz gemüthlich“ и никто не думалъ о пепели-

щѣ. Въ этотъ вечеръ вся публика спѣшила въ циркъ, во первыхъ потому, что послѣ тяжелой работы развлечение также полезно, какъ и приятно, а вторыхъ потому, что жители гордились его прїѣздомъ. Извѣстно, что цирки не заѣзжаютъ въ дрянные городишки, а потому прибытіе труппы достопочтеннаго мистера Дэна подтверждало величіе Антилоны. Была также и третья, быть можетъ, самая важная причина интереса.

Второй номеръ программы гласилъ слѣдующее: „Прогулка по канату на высотѣ пятнадцати футовъ надъ землей (подъ музыку). Исполнить извѣстный гимнастъ Красный Змѣй, сахемъ (вождь) Черныхъ Змѣй, послѣдній изъ поколѣнія царей и послѣдній въ родѣ. 1) прогулка, 2) прыжки антилопы, 3) танецъ и пѣсня смерти. Въ какомъ другомъ городѣ этотъ „сахемъ“ могъ возбудить больше интереса? Достопочтенный мистеръ Дэнъ рассказывалъ въ пивной „Подъ золотымъ солнцемъ“, что какъ-то, проѣзжая черезъ Санта-Фе, онъ нашелъ на Планосъ де-Торнадо стараго умирающаго индѣйца съ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Старикъ скоро умеръ отъ ранъ и отъ истощенія, но передъ смертью сказалъ, что мальчикъ сынъ убитаго „сахема“ Черныхъ Змѣй и наслѣдникъ его титула. Труппа прїютила сироту, который со временемъ сдѣлался ея первымъ акробатомъ. Впрочемъ, достопочтенный мистеръ Дэнъ узналъ только здѣсь, что Антилона была когда-то Къваттой и что извѣстный акробатъ будетъ подвизаться на могилахъ своихъ отцовъ. Это извѣстіе привело директора въ отличное расположение духа, такъ какъ онъ могъ рассчитывать на вѣрняка на great attraction, только бы придумать какой-нибудь эффектъ. Понятно, что антилонскіе филистеры спѣшили въ циркъ для того, чтобы показать привезеннымъ изъ Германіи женамъ и сыновьямъ, которые никогда въ жизни не видали индѣйцевъ, послѣдняго изъ рода Черныхъ Змѣй и сказать имъ: „смотрите, вотъ точно такихъ мы рѣзати“. Ach, Herr Jeh! приятно услышать лакой возгласъ, какъ изъ устъ Амальхенъ, такъ и изъ устъ маленькаго Фрица. Во всемъ городѣ повторяли на всѣ лады: сахемъ! сахемъ!

Дѣти съ утра уже смотрѣли сквозь щели въ доскахъ съ любопытными и

Инж. М. Раутъ.

Директоръ Упр-нія Государственныхъ разработокъ Кохтенскихъ залежей горючаго сланца.

Какъ извѣстно въ Эстоніи имѣются цѣнныя залежи горючаго сланца, добыча котораго съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Онъ употребляется въ качествѣ топлива, и кромѣ того изъ него вырабатываются масла.

вмѣстѣ испуганными лицами, а мальчики постарше возвращались изъ школы въ воинственномъ азартѣ и грозно маршировали, сами не зная, зачѣмъ... Восемь часовъ. Чудная звѣздная ночь. Вѣтеръ приноситъ изъ-за города запахъ апельсинныхъ рощъ и ячменныхъ полей. Въ циркѣ море свѣта. У главнаго входа воткнуты два огромныхъ смоляныхъ факела. Они сильно дымятъ и вѣтеръ колеблетъ столбы дыма и красноватаго пламени, освѣщающаго темное зданіе цирка. Это только-что выстроенный круглый деревянный баракъ съ остроконечной крышей и американскимъ флагомъ на верхушкѣ. Передъ входомъ толпятся люди, которые не достали билетовъ или не имѣли на это денегъ, они смотрятъ на повозки, прїѣхавшія съ труппой, а главное на полотняный занавѣсъ большой входной двери, на

которомъ изображена битва бѣлыхъ съ краснокожими. Когда занавѣсъ раздвигается, видна освѣщенная внутренность буфета съ рядами пивныхъ кружекъ на столѣ. Но вотъ занавѣсъ задвигается по настоящему и толпа входитъ. Пустые проходы между скамейками заполняются людьми и скоро темная подвижная масса наполняетъ всѣ проходы сверху до низу. Въ циркѣ свѣтло, какъ днемъ. Правда, неудалось провести туда газъ, но за то огромная люстра изъ пятидесяти керосиновыхъ лампъ обладаетъ арену и зрителей потоками свѣта. Въ этихъ потокахъ видны толстые подбородки мужчинъ, молодыя женскія лица и хорошенькія мордочки дѣтей, у которыхъ глаза чуть не выходятъ изъ орбитъ отъ любопытства. Вообще всѣ зрители имѣютъ довольный, любопытный и глупый видъ, какъ всякая цирковая публика. Среди говора толпы, прерываемаго криками *frisch Wasser! frisch Bier!* всѣ съ нетерпѣвиемъ ждутъ начала.

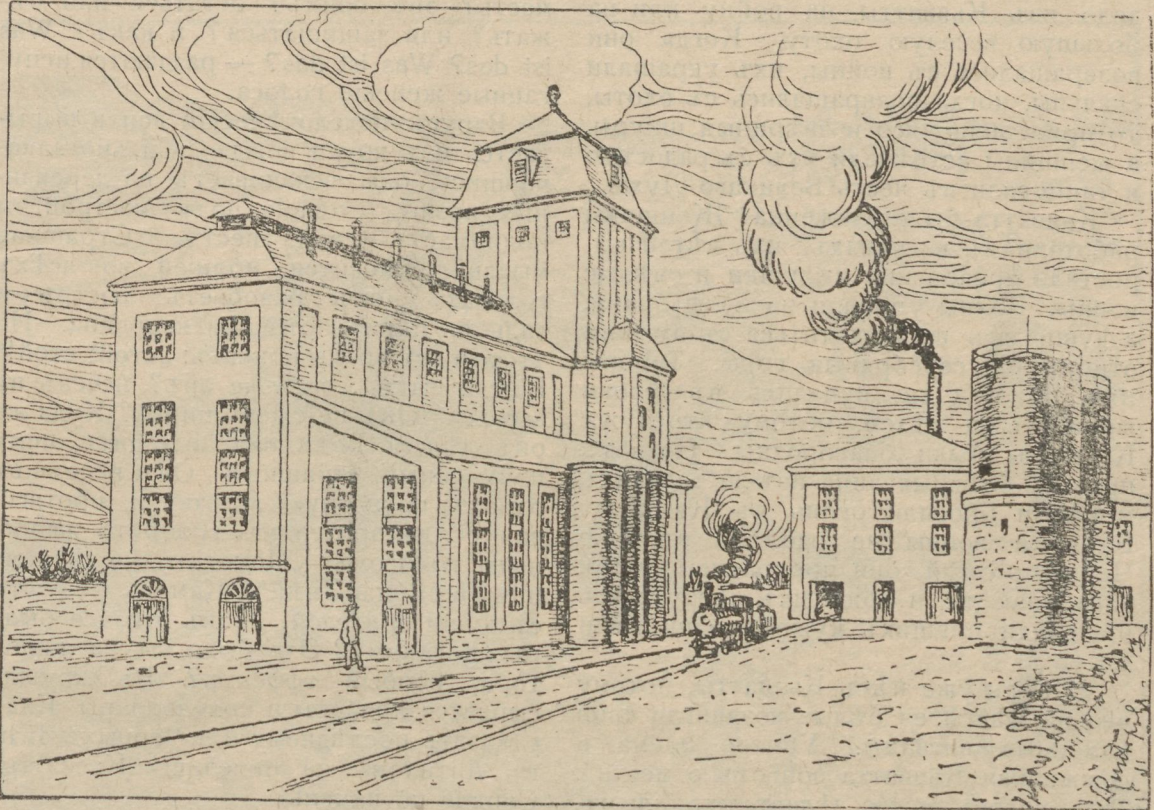
Наконецъ слышенъ звонокъ и выходятъ шесть служителей въ сапогахъ изъ юфти. Они становятся въ два ряда при выходѣ изъ конюшни на арену. Черезъ этотъ выходъ выскакиваетъ испуганная лошадь безъ сѣдла и уздечки и на ней видно нѣчто вродѣ облака изъ кисеи, тюля и лентъ. Это танцовщица Лина. Начинается скачка при звукахъ музыки. Лина такъ прекрасна, что юная Матильда, дочь пивовара на улицѣ Онунци, безпокойно наклоняется надъ ухомъ молодого аптекаря Флосса съ той же улицы и тихонько спрашиваетъ его, любитъ ли онъ ее. Между тѣмъ лошадь скачетъ и пыхтитъ какъ локомотивъ, бичъ хлопаетъ, клоуны, выскочившіе вслѣдъ за танцовщицей, орутъ и хлопаютъ другъ друга по щекамъ, танцовщица проносится какъ молнія, раздаются „браво“. Что за чудное представленіе! Но номеръ первый быстро кончается. Приближается номеръ второй. Слово „сахемъ“ переходитъ изъ устъ въ уста. Никто не обращаетъ вниманія на клоуновъ, которые продолжаютъ колотить другъ друга по щекамъ. Среди ихъ кривляній служители вносятъ высокая деревянныя козла и ставятъ ихъ по двумъ сторонамъ арены. Музыка перестаетъ играть *Jankee Doodle* и начинаетъ играть арію командора изъ „Донъ Жуана“. Между козлами натягиваютъ

канатъ. Вдругъ снопъ краснаго бенгальскаго огня вспыхиваетъ со стороны входа и обливаетъ арену краснымъ свѣтомъ. Въ этомъ-то блескѣ и покажется страшный сахемъ, послѣдній изъ рода Черныхъ Змѣй. Но что это? выходитъ не сахемъ, а самъ директоръ труппы, достопочтенный мистеръ Дэнъ. Онъ кланяется публикѣ и начинаетъ говорить. Онъ имѣетъ честь просить „уважаемыхъ джентльменовъ, а также прекрасныхъ и не менѣе уважаемыхъ леди“ сидѣть какъ можно спокойнѣе, не произносить „браво“ и соблюдать полнѣйшую тишину, такъ какъ вождь необыкновенно раздраженъ и особенно дикъ. Эти слова производятъ сильное впечатлѣніе, и удивительное дѣло: тѣ таме героини Антилоны, которые когда-то сожгли Къяватту, теперь испытываютъ непріятное чувство. За минуту передъ тѣмъ, когда прекрасная Лина выдѣлывала свои штуки на лошади, они радовались, что сидятъ такъ близко, у самага барьера, откуда такъ хорошо все видно, а теперь они съ нѣкоторой тоской поглядываютъ на высшія сферы цирка и наперекоръ всѣмъ правиламъ физики находятъ, что чѣмъ ниже, тѣмъ душнѣе.

Но развѣ сахемъ что-нибудь помнить? Вѣдь онъ съ молодыхъ лѣтъ воспитывался въ труппѣ достопочтеннаго мистера Дэна, которая состоитъ изъ нѣмцевъ. Неужели онъ не забылъ? Это невѣроятно. Его среда и много лѣтъ цирковой жизни, показыванье штукъ и рукоплесканья должны были имѣть на него извѣстное вліяніе. Къяватта! Къяватта! Да вѣдь и они нѣмцы тоже не на своей землѣ, тоже далеко отъ родины и вспоминаютъ о ней не болѣе того, что позволяеть имъ дѣловой расчетъ. Прежде всего надо ѣсть и пить. Эту истину долженъ одинаково помнить, какъ всякій филистеръ, такъ и послѣдній въ родѣ Черныхъ Змѣй. Эти размышленія неожиданно прерываются какимъ-то дикимъ свистомъ въ конюшнѣ и вслѣдъ затѣмъ на аренѣ показывается тревожно ожидаемый сахемъ. Слышится шепотъ: это онъ, онъ! Затѣмъ наступаетъ тишина. Только шипитъ бенгальскій огонь, который все еще жугутъ. Всѣ взгляды устремлены на вождя, который сейчасъ долженъ выступить въ циркѣ на могилахъ своихъ отцовъ. Индѣецъ дѣйст-

вительно стоитъ того, чтобы на него посмотрѣть. Онъ гордъ, какъ царь. Плащъ изъ горностая, знакъ его титула, — покрываетъ его высокую фигуру. Видъ его такъ дикъ, что онъ напоминаетъ плохо прирученнаго ягуара. Лицо его съ орлинымъ профилемъ точно вылито изъ мѣди и на этомъ лицѣ свѣтятся холоднымъ огнемъ на-

боятся теперь одного. Но вотъ директоръ подходитъ къ вождю и говоритъ съ нимъ, какъ-бы желая его успокоить. Дикій звѣрь почувалъ мундштукъ, уговоры подѣйствовали: минуту спустя, сахемъ уже покачивается на канатѣ. Онъ идетъ впередъ, глядя на керосиновую люстру. Канатъ сильно гнется, иногда его совсѣмъ не видно и тогда

Заводъ по выработкѣ изъ горючаго сланца маселъ.

стоящіе индѣйскіе глаза: спокойные, какъ бы равнодушные, но зловѣщіе. Онъ смотритъ вокругъ, точно выбираетъ жертву. При этомъ онъ вооруженъ съ головы до ногъ. На головѣ его колышутся перья, за поясомъ топоръ и ножъ для скальпированья, только въ рукахъ вмѣсто лука длинный шестъ, служащій для поддержанія равновѣсія во время хожденія по канату. Остановившись посреди арены онъ вдругъ издаетъ воинственный кликъ. *Heig Gott!* это крикъ Черныхъ Змѣй! Тѣ, которые вырѣзали Къявату, отлично помнятъ этотъ страшный вой и странно, что они, которые тогда не испугались тысячи воиновъ, воющихъ такимъ образомъ,

кажется, что индѣецъ виситъ на воздухѣ. Онъ идетъ точно подъ гору. Вотъ онъ ступилъ шагъ впередъ, соблюдая только равновѣсіе. Его вытянутыя руки, закрытыя плащомъ, похожи на гигантскія крылья. Онъ колеблется... падаетъ... нѣтъ! Короткое отрывистое „браво“ проносится, какъ вихрь, и смолкаетъ. Лицо вождя становится страшно. Въ его взглядѣ, устрѣмленномъ на керосиновыя лампы, сверкаетъ какой-то дикій огонь. Въ циркѣ общее безпокойство, но никто не нарушаетъ тишины. Между тѣмъ сахемъ приближается къ другому концу каната, останавливается и вдругъ изъ устъ его раздается военная пѣснь.

Странное дѣло! вождь поетъ по нѣмецки. Но это понятно. Вѣроятно, онъ забылъ языкъ Черныхъ Змѣй. Впрочемъ, никто не обращаетъ на это вниманія. Всѣ слушаютъ пѣсно, а она все расширяется и растетъ. Это не то пѣсня, не то какой-то жалобный дикій и хриплый вой. Вотъ что говорилось въ пѣсни: „Каждый годъ послѣ большихъ дождей пятьсотъ воиновъ выходило изъ Къяватты на войну или на большую веселую охоту. Когда они возвращались съ войны, ихъ украшали скальпы, когда возвращались съ охоты, то привозили мясо и звѣриныя шкуры, а женщины встрѣчали ихъ съ радостью и танцевали въ честь Великаго Духа.“

Къяватта была блаженна! Женщины работали въ вигвамахъ, изъ дѣтей выросли прекрасныя дѣвушки и смѣлые воины. Воины умирали на полѣ брани, а души ихъ шли охотиться съ душами отцовъ на серебряныя горы. Топоры ихъ никогда не купались въ крови женщинъ и дѣтей, потому что мужи Къяватты были благородны. Но вотъ пришли блѣдныя лица изъ-за далекихъ морей и бросили огонь въ Къяватту. Блѣдные воины не одолѣли въ бою Черныхъ Змѣй, они прокрались ночью, какъ шакалы, и ножи ихъ погрузились въ груди спящихъ мужей, женщинъ и дѣтей.

И вотъ уже нѣтъ Къяватты, потому что на мѣстѣ ея бѣлые воздвигли свои каменные вигвамы. Убитое племя и сожженная Къяватта вопіютъ о мести“. Тутъ голосъ вождя дѣлается хриплымъ. Качаясь на канатѣ, онъ кажется ангеломъ мести, парящимъ надъ головами людей. Самъ директоръ замѣтно встревоженъ. Въ циркѣ гробовая тишина. Вождь продолжаетъ свои завыванья:

„Изъ всего племени остался одинъ ребенокъ. Онъ былъ малъ и слабъ, но

покаялся духу земли, что отомститъ и увидитъ трупы бѣлыхъ мужей, женщинъ и дѣтей — пожаръ и кровь!“ . . . — Послѣднія слова переходятъ уже въ бѣшенный ревъ. По цирку проносится шелестъ, подобный внезапному порыву вѣтра. Тысяча вопросовъ, безъ отвѣтовъ, тѣснятся во всѣхъ головахъ. Что сдѣлаетъ этотъ разъяренный тигръ? — что говорить онъ? какъ свершитъ свою месть? онъ одинъ? остаться или бѣжать? или защищаться? и какъ? Was ist das? Was ist das? — раздаются испуганные женскіе голоса.

Вдругъ нечеловѣческій вопль вырывается изъ груди вождя. Сильно закачавшись, онъ вскакиваетъ на деревянныя козлы, стоящія подъ люстрой, и поднимаетъ свой шестъ. Страшная мысль проносится молніей во всѣхъ головахъ: онъ разобьетъ люстру и зальетъ циркъ потоками керосина. Но что это? съ арены кричатъ: „стой! стой!“ Вождя нѣтъ. . . гдѣ же онъ? исчезъ въ выходѣ. Онъ не сжегъ цирка? Куда же онъ дѣлся? Вотъ онъ выходитъ опять измученный, страшный. Онъ несетъ въ рукахъ оловянную кружку и, протягивая ее къ зрителямъ, говоритъ жалобнымъ голосомъ: „Помогите послѣдному изъ Черныхъ Змѣй“. Камень спадаетъ съ души зрителей. Такъ это все было въ программѣ? Это была штука директора, особый эффектъ? Въ кружку сыплются доллары и полудоллары. Какъ отказать послѣдному изъ Черныхъ Змѣй въ Антилонѣ на пепелищѣ Къяватты! Сердце не камень!

Послѣ представленія сахемъ пилъ пиво и ѣлъ кнедли „Подъ золотымъ солнцемъ“. Обстановка произвела явное впечатлѣніе. Онъ снискалъ въ Антилонѣ большую популярность, особенно у женщинъ. На этотъ счетъ тоже начались уже сплетни.

Капитанъ Тюржонъ.

— Ахъ, стараго капитана Тюржона я знавалъ, когда былъ еще лейтенантомъ, — произнесъ полковникъ Рауль де-Сенъ-Эсперансъ, опороживъ рюмку. — Вы, молодые, только что соскочившіе со школьныхъ скамей, понятія не имѣете о подобныхъ типахъ. Нѣтъ,

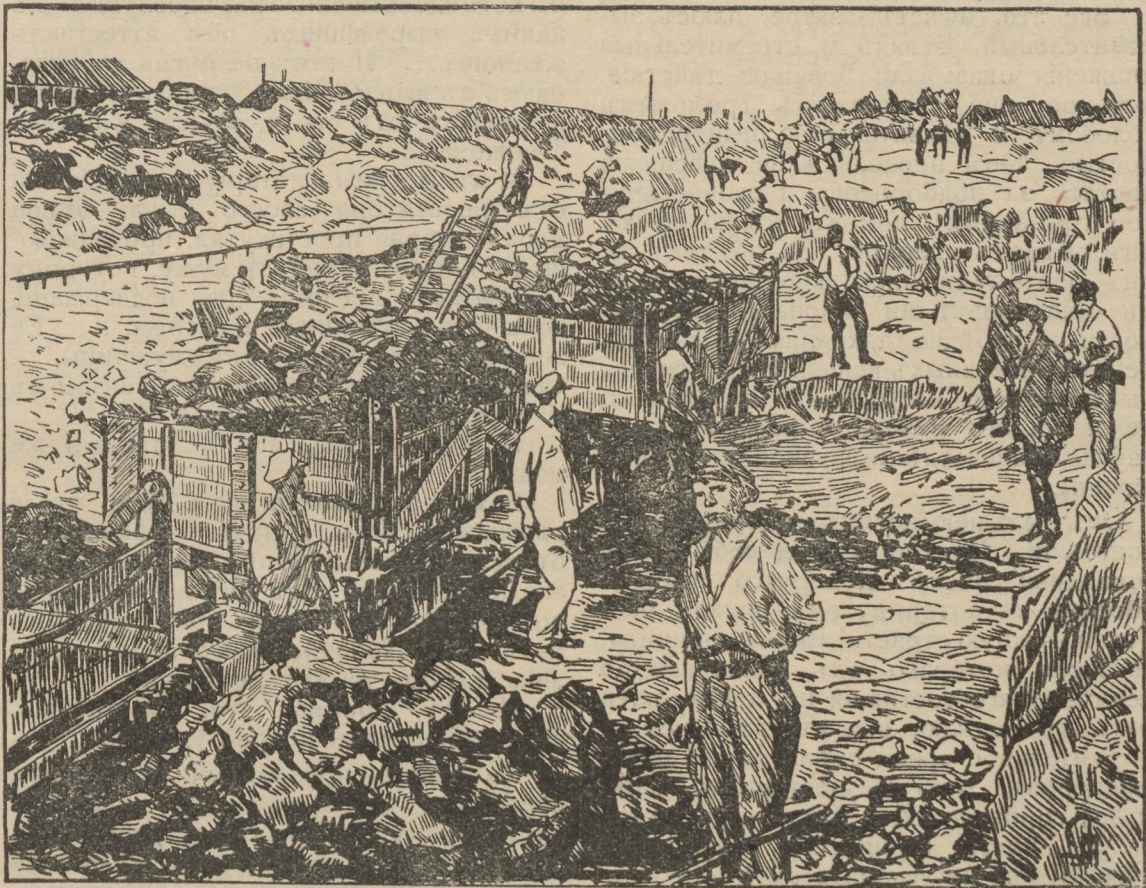
знаете, вывелись уже такіе люди, окончательно вывелись. Капитаны Тюржоны либо умерли, либо вышли въ отставку, и современные офицеры больше употребляютъ минеральныхъ водъ, чѣмъ вермута, горькую, абсента и т. п. напитковъ. Я лично не стану укорять ихъ

въ этомъ. По-своему, они вполнѣ правы.

— Можетъ быть, въ этомъ отношеніи молодежь наша и отличается отъ прежней старой и испытанной въ разныхъ бояхъ гвардіи, но вотъ насчетъ женщинъ мы абсолютно ничѣмъ не отличаемся отъ стариковъ. — Это сказалъ капитанъ Монтравель.

— Ну, слушайте...

Было это лѣтъ пятнадцать назадъ. Служилъ я тогда еще простымъ лейтенантомъ въ маленькомъ западномъ городкѣ. Хоть и маленькій, городъ былъ достаточно милый и даже красивый. Жили мы вмѣстѣ очень дружно, часто встрѣчались другъ съ другомъ, и вообще всѣ офицеры считались членами одной

Эмигранты на Кохтенскихъ сланцевыхъ разработкахъ.

— Пожалуй, что такъ...—здумчиво произнесъ полковникъ. — Ахъ, женщины...

Онъ добавилъ послѣ небольшой паузы:

— У меня сегодня какое-то странное настроеніе: мнѣ все хочется рассказывать. Надо использовать это настроеніе, правду сказать, достаточно рѣдкое для меня. Я хочу рассказать вамъ кое-что про капитана Тюржона въ связи съ женщиной...

— О, мы съ большимъ удовольствіемъ послушаемъ васъ... Пожалуйста, г. полковникъ.

большой и патриархальной семьи, — арміи! Быть можетъ, въ сущности было и иначе, но по внѣшности казалось, что между офицерами существуетъ самая искренняя пріязнь.

Тамъ же мы познакомились съ нѣсколькими офицерами въ отставкѣ, среди которыхъ былъ и капитанъ Тюржонъ. Мнѣ кажется, что, живи я пару сотенъ лѣтъ, я все же никогда на забылъ бы этого преоригинальнаго человѣка. Типъ, доложу я вамъ!

Бывшій зуавъ, онъ сохранилъ застарѣлую и чуть ли не органическую

непріязнь ко всякаго рода „штафиркамъ“, независимо отъ ихъ общественнаго положенія. Для смиренныхъ горожанъ Х-а онъ являлся настоящимъ пугаломъ.

Сколько помню, онъ всегда носилъ одинъ и тотъ же нарядъ. Высокій, сѣрый цилиндръ, лихо надвинутый набекрень. Основательныхъ размѣровъ трость. Длинный, какого-то особо-внушительнаго вида рединготъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, плюсъ выразительный взглядъ и стремительныя движенія оказывали большое дѣйствіе, которое еще усиливалось громовымъ голосомъ и удивительной безцеремонностью. Онъ нисколько не стѣснялся хватать за подбородокъ и разное другое горничныхъ домовъ, въ которыхъ онъ обѣдалъ впервые. За обѣдомъ-же онъ опять-таки нисколько не считался съ общепринятыми законами корректности и нерѣдко доходилъ до самыхъ непозволительныхъ вещей. Ругаться онъ былъ великій мастеръ, и на свѣжаго человѣка его манера выражаться производила впечатлѣніе грязной, зловонной лавины.

Онъ былъ невыносимъ въ нормальномъ состояніи. Представьте же себѣ этого господина послѣ четвертаго стакана абсента, къ которому онъ питалъ особую и нѣжную страсть! Ввиду принципа, согласно котораго онъ напивался до невмѣняемаго состоянія не менѣе пяти разъ въ недѣлю, онъ въ самое непродолжительное время сдѣлался для насъ, офицеровъ, такъ же нестерпимъ, какъ и для горожанъ Х-а. По моему, требовались чисто героическія мѣры для того, чтобы не вскочить съ мѣста и не отколотить этого отвратительнаго субъекта.

Я лично всего больше ненавидѣлъ его за то, что онъ рассказывалъ самыя гнусныя исторіи про всѣхъ людей, какіе попадались на его пути. Для него не существовало ничего святаго. Онъ сыпалъ сотнями именъ, рассказывалъ явныя небылицы, сплетничалъ, оговаривалъ, забрасывалъ грязью...

Мэръ Х-а — старый развратникъ и хапуга, которому давно мѣсто въ тюрьмѣ... Префектъ — самый разнузданный человѣкъ на свѣтѣ, но держится на мѣстѣ только потому, что его жена „вмѣщаетъ“ до шести высокопоставлен-

ныхъ любовниковъ. Депутатъ отъ города — продажная тварь... И т. д., и т. д.

Вы ошибаетесь, если предполагаете, что подобнымъ образомъ капитанъ отзывался только о мужчинахъ. Такая же печальная участь постигла и всѣхъ женщинъ, имѣвшихъ счастье понравиться или не понравиться ему. По отношенію женщинъ онъ былъ еще хуже, позволялъ себѣ еще больше. Господи, вамъ надо было бы хоть единственный разъ послушать, въ какихъ выраженіяхъ онъ аттестовалъ женщинъ... Я самъ не очень то стѣсняюсь въ выраженіяхъ, но клянусь вамъ, я сгоралъ отъ стыда, слушая капитана Тюржона...

М-мъ Х., жена нотариуса, беременна отъ репетитора своего сына. Жена мера — старая проститутка, продолжающая и понынѣ помогать мужу, которому не хватаетъ средствъ для поддержанія должнаго внѣшняго престижа... Ее знаютъ чуть ли не всѣ мужчины... Сегодня утромъ онъ видѣлъ, какъ м-мъ У. выходила изъ гостиницы.

И такъ далѣе, все въ такомъ же родѣ.

Вамъ легко послѣ всего того, что я рассказалъ вамъ, судить о томъ, какъ относились къ капитану Тюржону. Всѣ его ненавидѣли. Всѣ имъ возмущались, но боялись по самымъ разнороднымъ мотивамъ. Конечно, всего больше боялись попасть на его „язычекъ“.

И онъ, понимая это, чувствовалъ себя сильнымъ и неприступнымъ...

Въ одинъ прекрасный день нашъ префектъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ отстраненъ отъ должности, и черезъ сорокъ вооемъ часовъ къ намъ прибылъ его замѣститель.

Съ перваго же взгляда можно было опредѣлить, что имѣешь дѣло съ вполне свѣтскимъ человѣкомъ, элегантнымъ, воспитаннымъ и происходящимъ изъ очень хорошаго дома. Въ провинціи, знаете, про такія вещи сразу же узнаютъ. Человѣкъ, очень богатый и съ хорошимъ именемъ, онъ прибылъ къ намъ съ молодой, очаровательной креолкой, столь же прекрасно воспитанной, какъ и мужъ. Они недавно поженились, и съ городка Х. началась служебная карьера нашего новаго префекта.

Вполнѣ естественно, что, прибывъ къ намъ, они первымъ дѣломъ стали заботиться о томъ, чтобы устроить

„пріемъ“, какъ принято выражаться. Ужъ такъ принято, что каждый новый префектъ устраиваетъ у себя обѣдъ, на который приглашаетъ наиболѣе видныхъ и интересныхъ представителей города. Справившись у людей, знакомыхъ съ мѣстными порядками, префектъ разослалъ приглашенія, которыя, само собой разумѣется, пріятно поразили многихъ изъ насъ, молодыхъ, только-что начинающихъ свою карьеру офицеровъ.

За пару дней до „пріема“ мы какъ-то сошлись въ кафе. Было насъ нѣсколько человѣкъ. Вдругъ одинъ изъ капитановъ воскликнулъ:

— А вы знаете послѣднюю новость? Префектъ пригласилъ Тюржона.

— Что такое? — вскричали мы въ одинъ голосъ.

— А то, что вы слышите! Префектъ пригласилъ на обѣдъ этого отвратительнаго, несноснаго Тюржона. Очевидно, кто-то подшутилъ надъ несчастнымъ человѣкомъ. Никакъ иначе нельзя объяснить это странное приглашеніе. Господа, я надѣюсь, что вы всецѣло присоединитесь къ моему мнѣнію. Я нахожу, что честь нашей корпораціи требуетъ того, чтобы мы не допустили этого господина на первый обѣдъ, который даетъ префектъ. Во что бы то ни стало, мы должны помѣшкать этому.

— Но, какимъ образомъ?

— Одинъ изъ насъ отправится къ капитану на домъ и объяснитъ ему, что онъ никоимъ образомъ не смѣетъ и не долженъ воспользоваться приглашеніемъ префекта. Будетъ, право, очень недруно, если этотъ типикъ очутится съ нами за общимъ столомъ въ приличномъ домѣ! Вѣдь ясно, что онъ не измѣнитъ себѣ и въ данномъ случаѣ и скажетъ какую-нибудь чепуху, послѣ которой намъ останется одно: сбѣжать, и какъ можно скорѣе... Конечно, вся вина падетъ на насъ!

По общему соглашенію, товарищи избрали меня делегатомъ и отправили къ капитану съ порученіемъ, разъяснить ему положеніе вещей. Волей-неволей пришлось подчиниться, и полчаса спустя я очутился съ глазу на глазъ съ капитаномъ Тюржономъ.

Я засталъ его въ комнаткѣ, освѣщенной самымъ скуднымъ образомъ. Онъ былъ уже въ рединготѣ и собирався въ кафе.

Онъ встрѣтилъ меня очень сердечно:

— Господинъ лейтенантъ, я весьма радъ видѣть васъ въ своемъ скромномъ жилищѣ. Чему обязанъ этой честью?

— Г. капитанъ... — началъ я.

— Будьте откровенны со мной. Я лично люблю, когда къ цѣли идутъ прямо. Въ этомъ — мой девизъ!

— Г. капитанъ...

— Конечно, вы по дѣлу! Это видно по васъ... Надо думать, что хотите драться съ какимъ-нибудь штафиркой?

— Г. капитанъ...

— Ясное дѣло: вы наставили ему рога и теперь явились ко мнѣ съ просьбой присутствовать при томъ, какъ вы отправите его на тотъ свѣтъ. Я весь къ вашимъ услугамъ!

— Г. капитанъ...

— И хорошо сдѣлали, обратясь ко мнѣ. Я, капитанъ Тюржонъ, — воплощенная скромность и молчаніе! Я никогда не болтаю и болтуновъ не люблю.

— Совершенно вѣрно, г. капитанъ... но дѣло въ томъ, что я хочу именно... по поводу этихъ качествъ... поговорить съ вами.

Положеніе мое страшно тяготило меня. Но кое-какъ мнѣ удалось справиться съ нимъ, и четверть часа спустя капитанъ былъ уже въ курсѣ дѣла. Отъ имени нашей корпораціи я просилъ его не являться на обѣдъ.

У него былъ такой видъ, точно его кто-то кипяткомъ обдалъ.

— Что это значить? Вы требуете отъ меня, отъ капитана Тюржона, не являться туда, куда меня приглашаютъ?! Г. лейтенантъ, позвольте вамъ доложить, что вы съ ума сошли, — и вы, и ваши товарищи! За кого же, позвольте освѣдомиться вы принимаете меня? За старую бабу? За глупую, несносную, неумѣющую себя держать болтунью? Чортъ возьми! Я пойду, обязательно пойду... Если бы я внезапно умеръ, то распорядился бы, чтобы трупъ мой отнесли на обѣдъ... Какъ вамъ это нравится? Я вамъ покажу, умѣетъ или не умѣетъ держать себя въ приличномъ обществѣ капитанъ Тюржонъ! Да если дѣло до того дошло, такъ позвольте вамъ заявить, что такого вѣжливаго и воспитаннаго человѣка, какъ я, между вами нѣтъ!

Всѣ мои уговоры ровно ни къ чему не привели. Разсерженный до послѣдней

степени, капитанъ ничего не хотѣлъ слушать. Мнѣ оставалось одно: удалиться! Я и сдѣлалъ это.

Наступилъ день обѣда у префекта. Мы порѣшили между собой не оставлять капитана безъ надзора и все время держаться рядомъ съ нимъ: лишь этимъ мы могли бы хоть кое-какъ удержать его.

Желая оставаться правдивымъ, я долженъ сказать, что первую часть вечера капитанъ держалъ себя такъ, что даже самый придирчивый человѣкъ не могъ бы его въ чемъ-либо упрекнуть. За все это время онъ не проронилъ ни слова, — понимаете, ни единого слова! Онъ оставался нѣмымъ, точно статуя Командора... Мы уже стали поздравлять другъ друга съ благополучнымъ исходомъ, какъ вдругъ къ нашей группѣ съ очаровательной улыбкой подошелъ хозяинъ дома.

— Господа офицеры, — обратился онъ къ намъ. — Еще разъ повторяю вамъ, что я просто счастливъ, найдя въ васъ такихъ милыхъ и симпатичныхъ людей. Позвольте мнѣ надѣяться, что я часто буду имѣть васъ своими гостями. Весь мой домъ — въ вашемъ распоряженіи.

Мы низко поклонились.

— Конечно, конечно, — проворчалъ капиранъ Тюржонъ, и это были его первыя слова за весь вечеръ. — Вы положительно можете надѣяться на насъ всѣхъ и на меня въ частности,

потому что вы мнѣ нравитесь... И ваша жена мнѣ очень нравится.

Въ ожиданіи близкой катастрофы, мы всѣ насторожились и стали пугливо переглядываться. Кто-то потянулъ меня за рукавъ.

— Значить, и жена моя нравится вамъ? — какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ произнесъ префектъ.

— Безусловно... Чѣмъ больше я смотрю на нее, тѣмъ сильнѣе поражаюсь прямо-таки небывалому сходству...

— Сходству? — любезно переспросилъ префектъ. — Могу освѣдомиться, какому именно сходству?

— А почему же нѣтъ? — отозвался капитанъ Тюржонъ. — Если вамъ угодно знать, я могу сказать вамъ. То-есть, просто до смѣшного ваша жена похожа на содержанку моего бывшего товарища по полку. Чортъ возьми, будь ваша жена на двадцать лѣтъ старше, я подумалъ бы, что это она и была содержанкой моего друга!

Картина!

Съ того самага вечера никто изъ насъ больше не встрѣчался съ капитаномъ Тюржономъ, — заключилъ де-Сень-Эсперансъ.

Онъ добавилъ, спустя нѣсколько секундъ:

— Согласитесь, господа, что это — большое счастье для жиншинъ и для... арміи, что подобныхъ офицеровъ больше не существуетъ на свѣтѣ!

Похожденія моего кула Никиты Иваныча,

Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ передачѣ В. Нѣмковскаго.

Юбилей.

Кумъ мой, Никита Иванычъ, самый безобразный человѣкъ, когда трезвый обликъ потерять.

Какой угодно карамболь учинить можетъ.

Примѣрно сказать, справляли мы съ нимъ на сихъ дняхъ юбилей.

Юбилей на счетъ того, что Никита Иванычъ накануне ровно десятую высьдку отбывалъ. Это значитъ — десять разовъ приговоренъ былъ къ аресту за нарушеніе тишины, спокойствія и прочія городскія происшествія.

На юбилей этотъ Никита Иванычъ созвалъ всѣхъ своихъ пріятелей и такое угощеніе поставилъ, что никакого ни у кого чувства подъ конецъ вечера не осталось.

Праздникъ начался какъ слѣдуетъ — по порядку, съ самага утра. Перво на перво пришли поздравлять прикащики и мальченки, передъ выходомъ въ лавку. Апосля ихъ — баншики.

Рѣчь держалъ стороста, въ опоркахъ на босу ногу:

— Такъ какъ мы прослышаны, что ваше благоутробіе на манеръ праздни-

наго нынче, по случаю тюремной радости, такъ по этому самому выходитъ на чайкъ-бы съ вашей милости. За здоровье православнаго купечества! Ура!

Никита Иванычъ прослезился и всѣхъ банщиковъ облобызали собственными устами.

На чай имъ пожертвовалъ трешницу и увелъ ихъ въ столовую поить водкой.

По случаю юбилея, я съ вечера нахотился у Никиты Иваныча и поэтому вмѣстѣ съ банщиками пилъ за юбилей всякихъ безобразій моего кума.

На счетъ питья баншики оказались первый сортъ. Все больше стаканами и съ одного духу. Прямо, какъ на каменку поддаютъ.

Никита Иванычъ въ этомъ дѣлѣ понимающій человекъ. Одобрялъ ихъ:

— Молодцы, ребята, раздувай винные пары до самага угара!

При горячемъ пирогѣ съ вязигой двѣ четвертные бутылки въ одинъ моментъ выдохлись.

Пока мы съ банщиками на счетъ водки сопротивлялись, пришли дворники и газетчикъ.

У Никиты Иваныча никакого пренебреженія къ простому народу. Вышелъ въ кухню къ праздравителямъ, облобызался, и всѣхъ привелъ въ столовую.

Опять съ изнова началось угошеніе. Младшіе дворники, по случаю жары въ комнатѣ, сняли съ себя передники и фуфайки.

У газетчика натура оказалось слабой. Захмѣлѣлъ зря и вмѣсто вилки началъ миногой въ селедку тыкать и ругаться, что значитъ никакъ не можетъ зацѣпить закуску. Никита Иванычъ за такое невѣжество ученье сдѣлалъ и всю селедку вмѣстѣ съ соусомъ ему за воротъ опрокинулъ.

Для гостей это большое удовольствіе было.

Засимъ стали всякія благопріятели приходить. Говорили рѣчи и оченно много пили.

Какой-то стрикулистъ, на манеръ ходатаго, съ которымъ Никита Иванычъ въ арестномъ домѣ знакомство свелъ, такую рѣчь закатилъ, что самъ оную по гробъ жизни не забудеть.

Спервоначалу онъ Никиту Иваныча за настоящую русскую натуру одобрялъ, а подъ конецъ брякнулъ:

— Десять высидокъ — натуральная

заслуга передъ отечествомъ. А посему пожелаемъ почтенному юбиляру дожить скорѣй до двадцать пятой высѣдки, чтобы отпраздновать оную съ подобающимъ торжествомъ! Ура!

И только это потянулъ онъ рюмку къ губамъ, какъ Никита Иванычъ развернется да хрясть его по уху!

— За что такое?

— За пожеланіе!

Мораль эта кончилась тѣмъ, что стрекулистъ на одно ухо оглохъ и потребовалъ за оскорбленіе личности съ поврежденіемъ здоровья — десять рублей. На пяти дѣло покончили миромъ и юбилей продолжался въ самомъ лучшемъ видѣ.

На юбилейной радости Никита Иванычъ созвалъ съ кухни всю прислугу и велѣлъ себя проздравлять. Обѣ кухарки пили замѣчательнымъ манеромъ. Точно съ дѣтства приучены.

Какъ слѣдуетъ проздравивши хозяина, ушли онѣ на кухню и пригнали оттуда своихъ кумовьевъ, — пожарныхъ фельдфебелей.

Никита Иванычъ обрадовался.

— Завсегда, гритъ, пріятно промежъ себя военныхъ кавалеровъ наблюдать... Ура! Нарвская качай!

Когда военные объявились, конешное дѣло, зачались разговоры про политику.

Банный староста изъ отставныхъ унтеровъ оказался и про политику тоже разумѣлъ, но все-же пожарные верхъ одержали. Когда споръ зачался, они старосту такъ отколошмятили, что Никита Иванычъ каждому изъ нихъ по трешницѣ пожертвовалъ за неустрашимое еройство.

Пожарные, какъ увидали, что попали въ самую центру характера Никиты Иваныча, навалились на спящаго газетчика и отчеканили его чуть не до смерти.

Никита Иванычъ вопрошаетъ:

— А его за что?

Пожарные загорланили:

— Рады стараться, ваше степенство!

— Вижу, — а за что?

— За компанію.

Никита Иванычъ прибавилъ имъ еще по трешкѣ.

Когда политика окончилась, Никита Иванычъ приказалъ вторую партію пироговъ подавать.

Подали, но вышла срамота.

На кухарокъ, послѣ угощенія, нашель туманъ и въ пирогахъ онѣ замѣсто сиговъ запекли пожарные тесаки съ кухонной мочалкой.

За такое происшествіе съ кухарками разсчитались сами пожарные...

Крикъ поднялся страшный. За кухарокъ вступиться вышла „сама“, т. е. хозяйка значить. Отъ пожарныхъ за компанію попало и ей.

— Потому не держи такихъ дурь!
За „саму“ вступился Никита Ива-

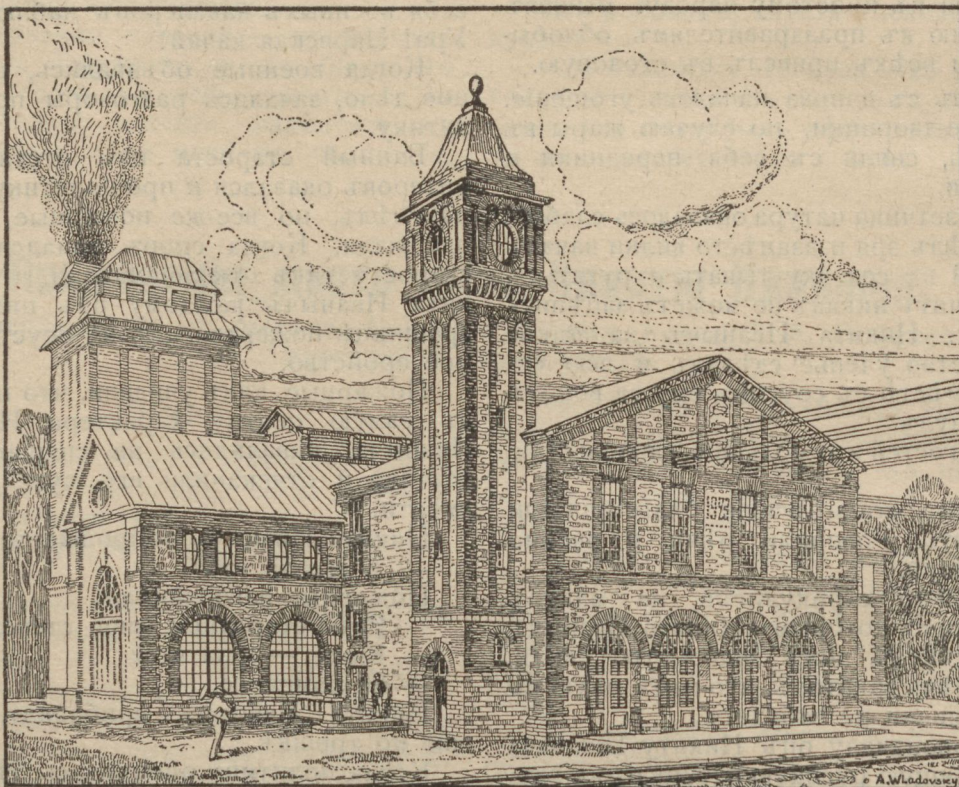
нычъ, но пожарные приколотили и его. За Никиту Иваныча пошли стѣной баньщики, но на нихъ возстали дворники. И такое сраженіе началось, что ни одной вещи въ домѣ цѣлехонькой не осталось.

Апосля юбилея Никита Иванычъ два мѣсяца на ребра жаловался, а супружница ихъ полгода ни рукой, ни ногой шевельнуть не могла.

Вотъ какая опасность отъ юбилея, произойти можетъ.

*Въ англійской шинели съ ободраннѣмъ бокомъ
Ты бродишь печально межъ улицъ глухихъ.
Ты былъ человѣкомъ въ прошедшемъ далекомъ,
Теперь-же ты нищій средъ націй чужихъ.
Ты ищешь работы, насущнаго хлѣба,
Тебя сторонится разряженный франтъ.
Ты-жъ плачешь и прошлаго молишь у неба
Несчастной Руси эмигрантъ.*

Г. ШАФРОВЪ.

Электрическая станція Эллама, подающая энергію на Кохтенскія разработки.

Театръ и Кино.

Въ „Драма Театръ“, при переполненномъ залѣ и съ большимъ общественнымъ подъемомъ, прошелъ нѣсколько времени тому назадъ десятилѣтній юбилей талантливой балерины, артистки московскаго балета, **Тамары Борисовны Бекъ.**

рины, но и какъ смотрѣть силъ и достижений созданной ею балетной студіи.

Вечеръ открылся большой постановкой, дѣлающей честь вкусу и тонкому чутью артистки. Это былъ новый восточный балетъ „Въ Гаремѣ“. Здѣсь все, начиная отъ выбора музыки и кон-

Тамара Бекъ.

Артистка, черкешенка по происхожденію и глубоко русская по сердцу, своею отзывчивостью и выступлениями на русскихъ вечерахъ создала себѣ широкую популярность среди ревельскаго населенія и чествованіе ея въ день десятилѣтняго юбилея обратилось въ настоящій триумфъ.

Съ художественной стороны спектакль былъ интересенъ не только, какъ личное выступленіе талантливой бале-

чая мелочами декоративнаго свойства, принадлежитъ самой Тамарѣ Бекъ.

Танцовали лучшія силы молодой студіи: г. г. Рейхъ, Э. и Ф. Рингенфельдъ, Лепатовъ, Мира-Миральда, Инна Инлой, Китти Каттеръ, Проня Зигмундъ, Агнесса Штейнбергъ, Горьячева, Тоня Федорова, Эви Касванди, Эрика Германовская и др.

Лучшимъ моментомъ всего вечера явилось, конечно, выступленіе самой

талантливой Тамары Борисовны Бекъ въ Испанскомъ Танцѣ и Лезгинкѣ. Это — ея стихія, ея жанръ, въ которомъ она здѣсь едва-ли имѣеть соперниковъ. Испанскій танецъ въ стильномъ костюмѣ, съ кастаньетами, съ эффектнымъ броскомъ послѣдней заключительной позы вызвалъ восторгъ зала. А ея лезгинкой, въ черкесскомъ костюмѣ, подъ музыку записанныхъ съ напѣва Тамары Бекъ черкесскихъ пѣсень красиво закончился и весь этотъ вечеръ.

Талантливую артистку и благородную, отзывчивую русскую женщину чествовали на сценѣ делегации отъ эстонскихъ

артистовъ, отъ Русскаго Національнаго Союза въ Эстоніи, отъ Русскаго Общества Гусли, отъ Союза Русскихъ Студентовъ Эстоніи, отъ Коппельской національной группы. Отъ имени послѣдней привѣтствіе было произнесено А. В. Чернявскимъ. Было много телеграммъ и въ томъ числѣ отъ Е. В. Литвиновой и приходскаго совѣта Казанской церкви, поздравляющаго въ этотъ день свою ревностную и отзывчивую прихожанку.

Заслуженный успѣхъ, заслуженный и почетный общественный откликъ...

А. Ч.

Копилка курьезовъ.

Докторскій совѣтъ.

- Что у васъ?
- Общее недомоганіе, докторъ.
- А въ чемъ именно и какъ оно выражается?
- Позвольте, докторъ, быть нѣсколько подробнымъ.
- Пожалуйста!
- Прежде всего долженъ замѣтить, что я работаю, какъ волъ, и устаю, какъ собака...
- Ага!
- Между тѣмъ по ночамъ нѣтъ сна, какъ у совы, и поэтому по утрамъ чувствую себя совершенно мокрой курицей.
- А каковъ аппетитъ?
- Отличный, какъ у медвѣдя...
- Гм!.. Ваша профессія?
- Биржевой заяцъ...
- Въ такомъ случаѣ, не лучше-ли вамъ обратиться къ ветеринару?

Герой нашего времени.

— Марья Николаевна, я васъ обожаю. Я боготворю васъ! Неужели вы останетесь глухи къ моему искреннему признанію?

— Стыдитесь, Юрій Викторовичъ! Опомнитесь, кому вы признаетесь въ любви? Вѣдь я замужемъ, у меня есть мужъ и притомъ вашъ другъ.

— Это ничего не значить, Марья Николаевна! я, слава Богу, не ревнивый...

Откровенность.

- Изъ бесѣды двухъ подругъ.
- Надя, ты выходишь замужъ?
- Да, Маничка, Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ мнѣ вчера предложеніе.
- И ты сразу рѣшилась дать свое согласіе?
- Еще бы! А то, пожалуй, раздумаетъ...
- Надя, будь со мной откровенна: признайся, что именно тебѣ нравится въ твоемъ женихѣ?
- То, что онъ на мнѣ женится.

Разница.

- Учитель спрашиваетъ ученика:
- Смирновъ, вы знаете разницу между термометромъ и барометромъ?
- Отлично знаю.
- Прекрасно! Такъ скажите-же, въ чемъ она заключается?
- Въ совершенныхъ пустякахъ, г. учитель: одинъ обыкновенно виситъ внутри комнаты, а другой снаружи.

По своему понялъ.

Мировой судья вызываетъ въ качествѣ свидѣтеля ресторанный официанта.

- Васъ какъ зовутъ?
- Обыкновенно-сь, какъ всякаго...
- То-есть, какъ обыкновенно?
- Да такъ-сь либо звонкомъ, либо ножечкомъ по тарелкѣ...

Возвращеніе Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.
Продолженіе.

„Sapristi! Какой фуроръ она бы вызвала въ Петербургѣ. Да и онъ тоже, съ помощью ея денегъ“.

Истративъ мысленно нѣсколько милліоновъ долларовъ, Тюранъ нашелъ это занятіе себѣ по вкусу и рѣшилъ продолжать путь до Кэптауна; у него вдругъ оказались неотложныя дѣла тамъ, требовавшія его присутствія въ этомъ городѣ на нѣкоторое время.

Миссъ Стронгъ сообщила ему, что она и ея мать собирались погостить у брата послѣдней, надолго ли, они еще не рѣшили; нѣсколько мѣсяцевъ, по всей вѣроятности.

Она очень обрадовалась, узнавъ, что и Тюранъ тоже будетъ жить въ Кэптаунѣ.

„Надѣюсь, что наше знакомство будетъ продолжаться, — сказала она. — Зайдите къ намъ, какъ только мы устроимся“.

Тюранъ былъ въ восторгѣ отъ приглашенія и поспѣшилъ выразить свое удовольствіе. Но на м-съ Стронгъ онъ произвелъ далеко не такое благопріятное впечатлѣніе, какъ на ея дочь.

„Не знаю почему, но я какъ-то ему не довѣряю, — сказала она однажды Хэзелъ, когда рѣчь зашла о немъ. — Онъ, кажется, порядочный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, но въ его глазахъ есть что-то, — какое-то выраженіе мелькаетъ въ нихъ, котораго я не могу описать, но мнѣ дѣлается жутко, когда я его замѣчаю“.

Молодая дѣвушка разсмѣялась.

„Ахъ, вы глупенькая мамочка!“ сказала она.

„Ты, пожалуй, права, но мнѣ все-таки жалко, что съ нами Тюранъ, а не бѣдняга Кольдуэль“.

„Я тоже сожалѣю объ этомъ“, отвѣтила дочь.

Тюранъ сталъ частымъ посѣтителемъ въ домѣ дяди Хэзелъ Стронгъ въ Кэптаунѣ. Онъ явно за ней ухаживалъ, но дѣлалъ это такъ ловко, предупреждая малѣйшее желаніе молодой дѣвушки, что она привыкла во всемъ полагаться

на него. Нужно ли было сопровождать куда-нибудь ее или ея мать, требовалась ли какая-нибудь маленькая дружеская услуга — любезный и вездѣсущій Тюранъ былъ тутъ, какъ тутъ. Дядя Хэзелъ и вся его семья полюбили его за его неизмѣнную вѣжливость и готовность къ услугамъ. Monsieur Тюранъ становился необходимымъ человѣкомъ. Наконецъ, чувствуя, что насталъ удобный моментъ, онъ сдѣлалъ предложеніе. Миссъ Стронгъ была поражена и не знала, что отвѣтить.

„Мнѣ не приходило въ голову, что вы такъ меня любите, — сказала она ему. — Я къ вамъ всегда относилась, какъ къ очень дорогому другу. Я вамъ не дамъ отвѣта сразу. Забудьте, что вы просили меня быть вашей женой. Сохранимъ наши прежнія отношенія, а я тѣмъ временемъ постараюсь на васъ смотрѣть иначе. Можетъ быть, мое чувство къ вамъ окажется чѣмъ-нибудь большимъ, чѣмъ простой дружбой. Но до сихъ поръ мнѣ не приходило въ голову, что я могу васъ полюбить“.

Тарзанъ остался очень доволенъ этимъ. Онъ извинился за то, что нѣсколько поторопился, но онъ такъ давно ее любилъ и такъ преданно, что боялся, какъ бы это не бросилось всѣмъ въ глаза.

„Я васъ полюбилъ съ перваго же дня, какъ увидалъ васъ, Хэзелъ, — сказалъ онъ. — Я согласенъ подождать, такъ какъ увѣренъ, что любовь, сильная и бескорыстная, подобная моей, не можетъ не найти отклика. Мнѣ нужно только знать, что вы не любите другого. Вы мнѣ отвѣтите на этотъ вопросъ?“

„Нѣтъ, я никогда никого не любила“, — отвѣтила она, и онъ вполне успокоился. Въ этотъ вечеръ онъ, идя домой, мысленно купилъ паровую яхту и построилъ себѣ пятисоттысячную виллу на Черномъ морѣ.

На другой день Хэзелъ Стронгъ ожидалъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ сюрпризовъ: выходя отъ ювелира, она

встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Джэнь Портеръ.

„Джэнь, — воскликнула она. — Откуда ты взялась? Положительно не вѣрю своимъ глазамъ!“

„Вотъ такъ случай! — воскликнула не менѣе удивленная Джэнь. — А я-то сидѣла здѣсь и мысленно рисовала себѣ картину твоей жизни въ Балтиморѣ! Значитъ, я только напрасно напрягала свое воображеніе!“ — И, обнявъ подругу, она крѣпко расцѣловала ее.

Изъ разговора съ Джэнь Хэзель узнала, что яхта лорда Теннингтона бросила якорь въ Кэптуанѣ, по крайней мѣрѣ, на недѣлю, послѣ чего должна была продолжать свой путь въ Англію, на этотъ разъ вдоль Западнаго берега. — А затѣмъ, — закончила Джэнь — состоится моя свадьба.

„Такъ ты еще не вышла замужъ?“ спросила Хэзель.

„Нѣтъ еще, — отвѣтила Джэнь и затѣмъ добавила какъ бы безотносительно къ предыдущему разговору: — Я желала бы, чтобы Англія отстояла на миллионы миль отсюда“.

Родственники Хэзель и пассажиры яхты обмѣнялись визитами. Въ честь прїѣзжихъ давались обѣды и устраивались пикники въ окрестностяхъ. Мопсіеръ Тюранъ былъ желаннымъ гостемъ. Онъ пригласилъ мужчинъ на обѣдъ и приобрѣлъ расположеніе лорда Теннингтона своимъ гостепрїимствомъ.

Г. Тюранъ изъ намековъ понялъ, что, вслѣдствіе неожиданнаго прибытія яхты лорда Теннингтона, возникли новые проекты, и не хотѣлъ, чтобы его оставили въ сторонѣ. Поэтому, оставшись однажды наединѣ съ англичаниномъ, онъ воспользовался случаемъ и сообщилъ ему, что, тотчасъ по возвращеніи въ Америку, онъ и миссъ Стронгъ будутъ официально объявлены женихомъ и невѣстой.

„Но ни слова никому, милѣйшій Теннингтонъ, — ни слова!“

„Конечно, дорогой мой, я отлично понимаю. Отъ души поздравляю. Дѣвица, знаете, первый сортъ право!“

А на другой день случилось то, что онъ и ожидалъ. М-съ Стронгъ, Хэзель и г. Тюранъ были въ гостяхъ у лорда Теннингтона на его яхтѣ. М-съ Стронгъ объявила, что она осталась очень довольна своимъ посѣщеніемъ Кэптауна

и крайне сожалѣла, что письмо отъ нея повѣреннаго въ Балтиморѣ вызывало ее обратно раньше, чѣмъ она предполагала.

„Когда вы думаете выѣхать?“ спросилъ Теннингтонъ.

„Вѣроятно, въ началѣ будущей недѣли“, отвѣтила она.

„Неужели? — воскликнулъ Тюранъ. — Мнѣ везетъ. Мнѣ тоже нужно немедленно уѣхать, и потому я надѣюсь имѣть честь сопровождать васъ и ухаживать за вами“.

„Вы очень любезны, господинъ Тюранъ, — отвѣтила м-съ Стронгъ. — Мы съ радостью отдадимъ себя подъ ваше покровительство“. Но въ душѣ она желала избавиться отъ него; почему, она не могла бы сказать.

„Чортъ возьми! — воскликнулъ лордъ Теннингтонъ, минуту спустя. — Геніальная мысль, чортъ возьми!“

„Ну, конечно, Теннингтонъ, конечно, — промолвилъ Клэйтонъ, — она навѣрное геніальна, если пришла въ голову вамъ; но что же это за идея. Отправиться въ Китай черезъ Южный полюсъ?“

„Ну, Клэйтонъ, — возразилъ Теннингтонъ, — вы просто придираетесь ко мнѣ потому, что не вы придумали объѣхать вокругъ Африки, а я, и поэтому вы себя возмутительно ведете съ самого отплытія. Нѣтъ, — продолжалъ онъ, — идея моя положительно геніальна, и вы всѣ съ этимъ согласитесь. Дѣло въ томъ, что намъ слѣдуетъ захватить съ собой м-съ Стронгъ, миссъ Стронгъ и Тюрана, если онъ хочетъ, на яхтѣ въ Англію. Вѣдь это хорошо будетъ, не правда ли?“

„Простите меня, Тенни, другъ, — воскликнулъ Клэйтонъ. — Идея, правда, замѣчательная, — никогда бы не повѣрилъ, что она исходитъ отъ васъ. Увѣрены ли вы въ томъ, что она вполне оригинальна?“

„А отплытіе мы назначимъ въ началѣ будущей недѣли, или когда вамъ будетъ удобно, м-съ Стронгъ“, закончилъ добродушный англичанинъ такимъ тономъ, какъ будто все было рѣшено, и оставалось лишь назначить день отплытія.

„Господи, Теннингтонъ, вѣдь вы даже не дали намъ времени поблагодарить васъ, а не то, что рѣшить, можемъ ли мы воспользоваться вашимъ любез-

нымъ приглашеніемъ, — сказала м-съ Стронгъ.

„Не сомнѣваюсь, что вы его примете, — отвѣтилъ Теннингтонъ. — Мы пойдемъ ничуть не тише пассажирскаго парохода, и удобства на яхтѣ тѣ же; во всякомъ случаѣ, мы всѣ жаждемъ вашего общества и отказовъ не принимаемъ“.

Такимъ образомъ было рѣшено отплыть въ слѣдующій понедѣльникъ.

Два дня спустя, молодая дѣвушка сидѣла въ каютѣ Хэзелъ и разглядывали снимки, которыя она дала отпечатать въ Кэптаунѣ. Это были всѣ фотографіи, снятыя ею со времени отъѣзда изъ Америки, и подруги были всецѣло заняты ими.

„А вотъ, — сказала она вдругъ, — господинъ, котораго ты знаешь. Бѣдняга! Я давно хотѣла разспросить тебя про него, да все забывала объ этомъ при нашихъ свиданіяхъ“. — Она держала снимокъ такъ, что Джэнъ не могла видѣть лица человѣка, изображеннаго на немъ.

„Его звали Джонъ Кольдуэлъ, — продолжала Хэзелъ. — Помнишь его? Онъ говорилъ, что познакомился съ тобой въ Америкѣ. Онъ англичанинъ“.

„Имя мнѣ незнакомое, — отвѣтила Джэнъ. — Покажи мнѣ фотографію.“

„Бѣдняга упалъ въ море во время нашего путешествія сюда“, сказала Хэзелъ, передавая снимокъ.

„Упалъ въ море... Хэзелъ, Хэзелъ... не говори мнѣ, что онъ умеръ... утонулъ... Хэзелъ. Да скажи же, что ты шутишь!“ — И Джэнъ Портеръ упала въ глубокомъ обморокѣ раньше, чѣмъ миссъ Стронгъ успѣла ее подхватить.

Приведа подругу въ чувство, Хэзелъ долго смотрѣла на нее въ молчаніи.

„Я не знала, Джэнъ, — сказала Хэзелъ принужденно, — что ты была такъ близко знакома съ мистеромъ Кольдуэлломъ, и не предполагала, что его смерть произведетъ на тебя такое сильное впечатленіе“.

„Джонъ Кольдуэлъ? — спросила миссъ Портеръ. — Неужели ты хочешь сказать, что ты не знаешь, кто этотъ человѣкъ, Хэзелъ?“

„Да что ты Джэнъ; я отлично знаю, кто онъ: — его звали Джонъ Кольдуэлъ; онъ изъ Лондона“.

„О, Хэзелъ! Какъ бы я желала

этому повѣрить! — простонала молодая дѣвушка. — Я бы желала этому повѣрить, но его черты такъ глубоко врѣзались мнѣ въ мозгъ и сердце, что я узнала бы его, гдѣ угодно, изъ тысячи другихъ. Всякій другой могъ бы ошибиться, но только не я“.

„Что ты говоришь, Джэнъ? — воскликнула Хэзелъ, не на шутку встревоженная. — За кого ты его принимаешь?“

„Я ни за кого его не принимаю, Хэзелъ. Я знаю, что это фотографія Тарзана отъ Обезьянъ“.

„Джэнъ!“

„Сомнѣнія быть не можетъ. О, Хэзелъ, увѣрена ли ты въ томъ, что онъ умеръ? Нѣтъ ли тутъ ошибки?“

„Боюсь, дорогая, что нѣтъ, — отвѣтила Хэзелъ съ грустью. — Я была бы рада, если бы тутъ была ошибка съ твоей стороны, но теперь я начинаю вспоминать множество мелкихъ фактовъ, которымъ я не придавала значенія, пока принимала его за Джона Кольдуэла изъ Лондона. Онъ говорилъ, напримѣръ, что родился въ Африкѣ, а воспитывался въ Парижѣ“.

„Да, это вѣрно“, — глухо пробормотала Джэнъ Портеръ.

„Старшій офицеръ, который осматривалъ его багажъ, не нашелъ ничего, что бы устанавливало подлинность его личности, какъ Джона Кольдуэла изъ Лондона. Почти всѣ его вещи были сдѣланы или куплены въ Парижѣ. Всѣ мѣтки состояли изъ одной буквы Т, или изъ трехъ: Дж. К. Т. Мы рѣшили, что онъ путешествовалъ инкогнито подъ своими двумя первыми именами и что Дж. К. означало „Дж. Кольдуэлъ“.

„Тарзанъ отъ Обезьянъ принялъ имя Джона К. Тарзана, — продолжала Джэнъ тѣмъ же безжизненнымъ монотоннымъ голосомъ. — И онъ умеръ. О, Хэзелъ, это ужасно! Онъ умеръ одинъ, въ этомъ всепоглощающемъ океанѣ! Я не могу повѣрить, что его храброе сердце перестало биться, что его могучіе мускулы стали навѣки холодными и неподвижными. Что онъ, бывший воплощеніемъ жизни, здоровья и мужественной силы, сдѣлался добычей скользкихъ, ползучихъ тварей, что... — Дальше она не въ силахъ была продолжать и со стономъ упала, рыдая, на полъ, закрывъ лицо руками.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней миссъ Портеръ была больна и не желала

видѣтъ никого, кромѣ Хэзелъ и вѣрной Эсмеральды. Когда она, наконецъ, появилась на палубѣ, всѣ были поражены печальной перемѣной, происшедшей съ ней. Это уже не была веселая, живая красавица-американка, приводившая въ восторгъ и очаровывавшая всѣхъ. Въмѣсто нея появилась тихая и грустная дѣвушка съ выраженіемъ безнадежной тоски на лицѣ, понятной одной Хэзелъ Стронгъ.

Все общество старалось изо всѣхъ силъ подбодрить и развеселить ее, но безъ результата. Иногда добродушному и забавному лорду Теннингтону удавалось вызвать у нея на лицѣ грустную улыбку, но это случалось рѣдко; по большей части она сидѣла и глядѣла на море широко открытыми глазами.

Съ болѣзнью Джэнь Портеръ на яхту посыпались; одна за другой, различныя бѣды. Сначала испортилась машина, и имъ пришлось два дня лежать въ дрейфѣ, пока ее временно не починили. Затѣмъ ихъ захватилъ врасплохъ шквалъ, унесшій всѣ легкія предметы съ верхней палубы. Двое изъ моряковъ подрались на бакѣ: въ результатѣ этой драки у одного изъ нихъ оказались серьезныя раны, нанесенныя ножемъ, а второго пришлось заковать въ кандалы. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, штурманъ ночью упалъ въ море и утонулъ раньше, чѣмъ подоспѣла помощь. Яхта крейсировала около мѣста присшествія въ теченіи десяти часовъ, но бѣдняга не былъ найденъ.

Послѣ всѣхъ этихъ несчастій, на команду и гостей напала тоска, и всѣ находились въ угнетенномъ состояніи. Всѣ ожидали еще худшихъ бѣдствій, особенно матросы, вспоминавшіе всякія зловѣщія предзнаменованія и предупрежденія, видѣнныя ими въ началѣ путешествія и казавшіяся имъ теперь предвѣстниками грядущей мрачной и ужасной трагедіи. И этого не пришлось долго ждать. На вторую ночь послѣ гибели штурмана маленькая яхта внезапно потерпѣла полное крушеніе. Около часу ночи всѣ почувствовали ужасающій толчокъ, сбросившій съ коекъ задремавшихъ гостей и команду. Утлое суденышко содрогнулось и легло на правый бортъ; машины остановились, палуба образовала съ моремъ уголъ въ сорокъ пять градусовъ. Одно мгновеніе яхта повисла въ такомъ положеніи надъ бездной, затѣмъ стала опрavlяться и вы-

прямилась, издавъ глухой трескъ. Въ одно мгновеніе мужчины бросились на палубу; за ними послѣдовали женщины. Хотя небо было облачно, но не было ни вѣтра, ни волненія и было настолько свѣтло, что можно было различить у лѣваго борта черную массу, еле выдававшуюся изъ воды.

„Обломки погибшаго судна“, — кратко пояснилъ вахтенный офицеръ.

Вскорѣ вбѣжалъ на палубу механикъ, онъ искалъ капитана.

„Пластырь, который мы подвели соскочилъ, — донесъ онъ, — и яхта быстро наполняется водой черезъ пробойну въ носовой части у лѣваго борта“.

Мгновеніе спустя, снизу прибѣжалъ мартосъ?

„Боже мой! — крикнулъ онъ. — Весь киль оторванъ. Яхта не продержится на водѣ и двадцати минутъ“.

„Молчать! — заревѣлъ Теннингтонъ. — Прошу дамъ спуститься внизъ и собрать, что можно изъ вещей. Можетъ быть, дѣло не такъ ужъ плохо, но можетъ быть и придется сѣсть въ шлюпки. Лучше быть готовыми ко всему. Прошу васъ спуститься немедленно. Капитанъ Джеррольдъ, пошлите знающаго человека внизъ, чтобы выяснитъ точные размѣры поврежденія. А пока предлагаю снабдить шлюпки всѣмъ необходимымъ“.

Спокойный, тихій голосъ владѣльца успокоилъ всѣхъ, и заставилъ занять ся дѣломъ. Къ тому времени, когда дамы вернулись на палубу, все необходимое было погружено въ шлюпки, а черезъ минуту вернулся снизу офицеръ съ донесеніемъ. Но теперь и безъ словъ было ясно, что гибель „Леди Алисъ“ была близка.

„Ну, въ чемъ же дѣло?“ — спросилъ капитанъ, видя, что офицеръ колеблется.

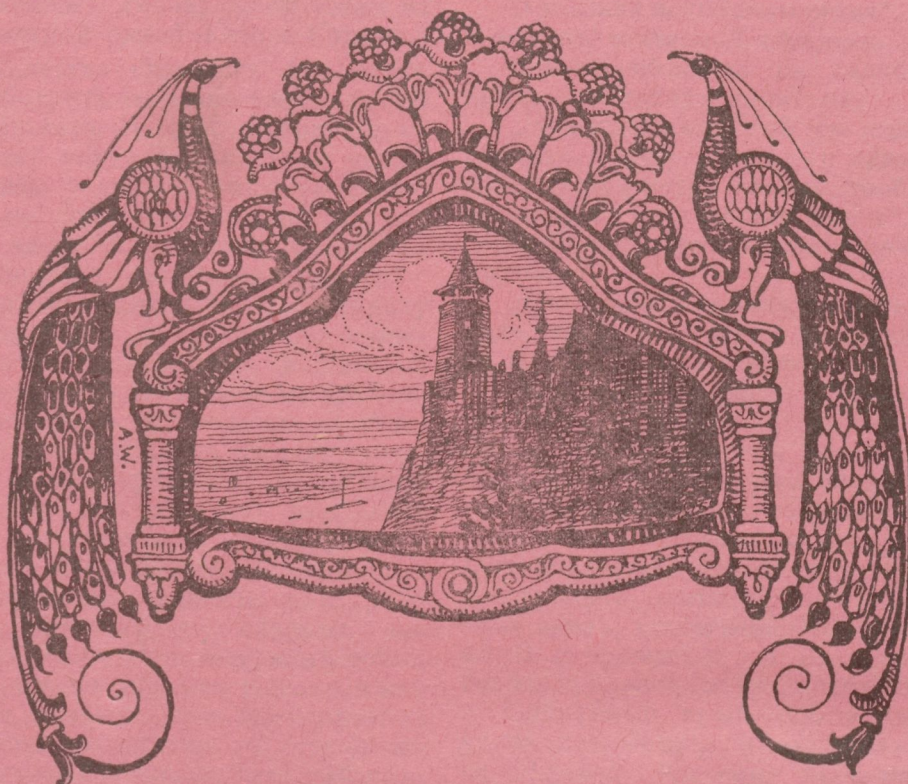
„Мнѣ не хочется пугать дамъ, — сказалъ онъ, — но, по моему мнѣнію, яхта не продержится и двѣнадцати минутъ. Она получила пробойну, черезъ которую можетъ пройти корова“.

Пять минутъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ носъ „Леди Алисъ“ началъ быстро погружаться. Корма ея висѣла высоко надъ водой, и на палубѣ было трудно стоять. Люди быстро размѣстились въ четырехъ шлюпкахъ, имѣвшихся на яхтѣ; затѣмъ они были благополучно спущены на воду.

Продолженіе слѣдуетъ.

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Dum spiro, spero... — Обыденный. — Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Сильнѣе женщины. — Камея. — Сердце народа. — Лицо жизни. — Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконость“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна 165 мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Іоакимстальская, № 2, типографія „Эркъ“, за пересылку не платятъ.